

Записки юриста с окраины

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анатолий Курбатов

18+

Анатолий Курбатов
Записки юриста с окраины

«Автор»

2023

Курбатов А. З.

Записки юриста с окраины / А. З. Курбатов — «Автор», 2023

Настоящий сборник рассказов из юридической практики прокурора, юрисконсульта и адвоката охватывает период конца XX – начала XXI веков в УССР и на Украине в различных ее регионах. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. Рекомендуется студентам юридических факультетов и в целом любознательным людям, интересующимся событиями нашего недавнего прошлого на советском и постсоветском пространстве. Автор выражает надежду, что эта работа даст представление жителю современной России о некоторых особенностях жизненного уклада в Червонороссии, Малороссии, Новороссии и Слободской Украине, где ему довелось жить и работать, и о сложившейся там правоприменительной практике, с которой ему довелось столкнуться. Отчасти эта работа может дать представление о политической ситуации, сложившейся в различных регионах этого некогда благополучного края.

© Курбатов А. З., 2023

© Автор, 2023

Содержание

От автора	5
Студент	7
Портрет Брежнева	11
Приговор	16
Взрыв	23
Лицо, утратившее общественную опасность	31
В полоньне	33
«Мара»	37
Изнасилование	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анатолий Курбатов

Записки юриста с окраины

«Такой коррупции, как на Украине в мире нигде нет... Так быть не должно...»

Президент РФ В. В. Путин на встрече с членами Общественной палаты России по Украине 03.11.2023

От автора

Вначале я назвал свои воспоминания «Записки украинского юриста». И тут же засомневался в правильности написанного. Украинец я еще тот...

Украинкой с греческой фамилией у меня была мама, родившаяся в Таврии, т. е. в Новороссии. Хорошо помню, как одна директриса школы в Белгородской области назвала меня украинцем, а я пытался ей возражать. Нет, я не стал ей рассказывать, откуда произошло название части русского народа «украинцы» в концлагерях Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны. Отец, говорю, у меня русский, из Сибири, и я по отцу русский, только вот прожил практически всю жизнь на Украине. И в советском паспорте, и в военном билете национальность у меня была записана – русский. Не убедил. Довод у нее был железный: раз вы приехали с Украины, значит вы – украинец! Впрочем, разговор этот был давно, в 2014 году, с тех пор я многое узнал, порядочно поскитался по России, многое понял, многое изменилось. Надеюсь, что и та директриса поумнела.

Пока я в течение нескольких лет получал российский паспорт, миграционная служба тоже чуть было не убедила меня в том, что я таки не русский. Оригинал свидетельства о рождении моего отца, выданного почти 100 лет назад в Красноярском крае, у чиновников вызвал сомнения: «А вдруг ваш батюшка родился в таежной глуши, когда его матушка на сносях там оказалась проездом?.. Предоставьте, пожалуйста, справку из жилконторы или выписку из домово́й книги, что ваш отец постоянно проживал на территории современной Российской Федерации». И это при том, что жилконтора эта была в 5–6 тыс. км. от меня, а дедовский дом, из которого отец ушел на войну 1 марта 1943 года, уже несколько десятилетий находится на дне Красноярского водохранилища.

Самое смешное, что эти дамы с надутыми губами в лейтенантских погонах были не далеки от истины: моего отца в Сибири родила женщина по имени Харитина, и была она из семьи полтавских переселенцев, которые, как подданные российской короны, на берега Енисея действительно приехали, но не «проездом», а на века. В XIX веке только лишь из одной Полтавской губернии в Западную Сибирь приехало полмиллиона переселенцев. Родители моей бабушки Харитины приехали уже в Восточную Сибирь, в Енисейскую губернию, где она и вышла замуж за потомка таких же переселенцев, только уже великороссов из Пензенской губернии. И мой отец, родившийся на берегах Енисея, южнорусское мягкое фрикативное «г» пронес через всю жизнь и передал мне. А личное дело офицера запаса отца, копию которого я буквально вырвал из военкомата уже полыхающего Донбасса, помогло мне документально доказать всем невеликого ума людям, что аз есмь¹ русский человек.

Сегодня я уже точно знаю, что национальность украинец – выдуманная (да простят меня все друзья и родственники, которые до сих пор думают, что они, украинцы, это какой-то отдельный от русских народ). Русский народ состоит из великороссов, малороссов, червоно-

---

¹ Аз есмь (церковнославянский) – Я есть.

россов и белоруссов. Эти образы в 1888 году авторы планировали извлекать у камня с гордым гетманом Зиновием Богданом Хмельницким на Софиевской площади в Киеве. Все четыре русских этноса воевали под его стягами против экспансии Запада. Ну а получилось, как получилось – история дама сложная, если не сказать ветреная, и сегодняшний день – тому подтверждение. Большевики-ленинцы из благих намерений (а ими известно куда дорога вымощена) разделили «единую и неделимую» страну на 15 республик, а русский народ – на три (червонороссов в то время забыли, проиграв войну панской Польше и отдав этот народ панам на Запад). Позже товарищ Сталин все вернул «на круги своя», но ненадолго. Он не стал рассказывать, для чего создавались три русские республики, а в 1991 году по пьяному делу, которое почему-то (наверное, для приличия) было названо Содружеством независимых государств, Русь снова распалась на удельные княжества. Сейчас, мне представляется, точку пока в этих диспутах о русском народе поставил в силу своего авторитета Президент Российской Федерации, отметивший в июне 2019 года, что русские и украинцы – «... по сути, это одна нация».

Как бы там ни было, а родился и вырос я в УССР и дожил до седых волос и скромной пенсии на Украине. Таким образом, согласимся с тем, что юрист я украинский или окраинский. Что, в принципе, одно и то же в силу того, что русский язык менялся, и слово «окраина» со временем стало звучать как «украина». К тому же, юридическую практику мне довелось вести как на землях червонороссов, так и малороссов, и даже в городе Киеве, который по сей день некоторые люди, несмотря на сумасшествие последних лет, называют «матерью городов русских». Кроме того, практиковал я и на территории земель новороссийских, слободских, сиверских² и крымских, которые в состав Украины попали и вовсе по недоразумению. И теперь с кровью, войной и человеческими страданиями возвращены и возвращаются в лоно матушки России.

Хороший я юрист или плохой, посредственный или беспринципный, да и вообще ли юрист, учитывая, что диплом об окончании вуза я утратил на житейских дорогах – уже не имеет значения, поскольку в силу возраста и некоторого разочарования в этом ремесле юриспруденцией больше не занимаюсь. О написанном пусть судит читатель. События, о которых я решил рассказать, автобиографичны, но не лишены авторской выдумки (согласитесь, трудно написать о собственных ошибках, глупости или неблагоприятных поступках), поэтому все совпадения фамилий и изложенных обстоятельств прошу считать случайными. Отдельные события, которые я записал и сложил в общую папку, куда-то исчезли, и восстановить их будет трудно. То ли я сам их припрятал из-за важности лиц, о которых писал, и забыл, где, в очередной раз пересекая украино-русскую границу и блокпосты восставшей Новороссии, то ли в них порылся какой-то бдительный спецслужбист и изъял оные, сейчас я сказать уже не могу.

Нужно ли было рассказывать все эти истории? Мне представляется, что да. Но правильный ответ, опять же, остается за читателем. Только читатель может ответить: интересно ли ему, как работала правоохранительная система и отправлялось правосудие в «застойные» годы Советского Союза на юго-западной Окраине нашего необъятного Отечества и как Украина из богатейшего и наиболее благополучного края или частицы нашей общей отцами завещанной нам страны докатилась (или дошла) до этого самого края. А помнить прошлое, убежден, что нужно – без прошлого ведь нет будущего! А будущее у тысячелетней России есть. Убежден в этом!

2023 год, г. Белгород

---

² Сиверская земля – современные Черниговская, Сумская и Брянская области, которые в XVI–XVII вв. (период русско-польского противостояния) входили в состав Московского государства.

Студент

– Коротков!

– Да! Слушаю!

– Да выключи ты станок! Ни хрена не слышно, – кричит в самое ухо мастер молодому токарю в изрядно промасленной армейской гимнастерке.

Догнав стружку до упора и отведя резец, Коротков недовольно выключил станок. «Не иначе, мастеру приспичило дать какое-то новое задание. Только вот настроился на выполнение операции...», – думает он, пытливо глядя в морщинистое лицо мастера, прикрытое сверху кепкой и копной седых волос.

– Тебя партторг³ цеха вызывает. Толай, давай к нему.

– Чего вдруг? – недоуменно смотрит молодой рабочий на мастера.

– Откель я знаю. Толай, говорю! Начальство не любит долго ждать.

– Давай, Студент! Иди к партийному начальству, оно тебя научит, как нашего брата работу охмурять, – съязвил сосед по станку Колька, вредный худощавый мужик.

Прозвище Студент за Коротковым закрепилось уже как год. Он дважды поступал в пединститут на исторический факультет, но оба раза не прошел по конкурсу, нахватавшись «троек». Когда он повторно провалил вступительные экзамены, помогать ему взялся Юра Акopian, приятель, с которым они вместе служили в Закавказье. Юрка учился в мореходном училище в родном городе Короткова.

Симпатичный, общительный и практичный, этот карабахский армянин легко заводил знакомства и сходил с людьми. Девки так просто таяли через пару минут общения с щеголеватым морячком в отглаженной униформе. Он искренне хотел помочь своему другу. В большой областной город на Днепре они приехали на автобусе. Юрка добыл увольнительную в мореходке и переделся в гражданку.

– Показывай, где тут твой институт, – распорядился еще на автовокзале армейский товарищ приказным тоном, как если бы был по-прежнему старшиной батареи, а Коротков – его подчиненным. Оставив приятеля курить в сквере, бывший старшина уверенно вошел в парадную дверь учебного заведения. Через час он вернулся вместе с внушительным мужчиной явно армянской внешности. Вечер они провели уже вчетвером в дорогом ресторане. Кроме армянина, с которым сходу познакомился Юра, с ними был преподаватель славянского происхождения. Оба преподавателя по возрасту годились бы приятелям в отцы, но после третьей рюмки держались, как близкие знакомые. После длительных переговоров уже по телефону и пары поездок Короткова в город на Днепре выяснилось, что учиться он будет. Правда, уже в другом областном городе, и даже в университете, нужно только взятку дать в четыре тысячи рублей за учебу на стационаре или две тысячи за заочное обучение. Сказано это было уже третьим преподавателем в роскошной (двухкомнатной на одного человека) больничной палате, где будущему студенту назначили аудиенцию. Больница была в глубине парка на берегу Днепра. Коротков никогда ранее и не подозревал, что существуют такие больницы для советских и партийных работников.

Деньги такие в семье были. Лично у Короткова «на книжке»⁴ было больше тысячи рублей.

---

³ Партторг цеха – в советское время в крупных цехах промышленных предприятий имелась штатная должность партийного организатора, который имел авторитет и полномочия, не меньшие, чем у заместителя начальника цеха.

⁴ «На книжке» – обладателям денежных счетов в Сбербанке выдавалась книжечка, где записывались проведенные операции по счету.

Коротков передал этот разговор отцу вечером, когда они вдвоем остались в гостиной у телевизора.

– Сам-то ты что, сына, думаешь по этому поводу? – не торопился высказываться батька.

Батя у Короткова вырос в таежном поселке в предгорьях Саян, отслужил почти тридцать лет в Советской Армии. Немного воевал в Польше и Чехословакии в конце войны. Уже после войны получил тяжелое ранение в стычке с бандеровцами в Карпатах. Был признан не годным к строевой. До пенсии, прихрамывая, дослуживал в скромных чинах в военкоматах Западной Украины.

– Противно, батя... – грустно пробормотал Коротков, опустив глаза.

Он знал, что отец с самого начала не приветствовал их вояж в институт.

– Я и на заводе себя чувствую неплохо. Уж зарабатываю – так точно вдвое больше, чем учитель истории в деревенской школе. Ну их, этих деляг!

– Правильно, сын! Да и не в деньгах дело. Не стоит начинать жизнь с грязи. Токарь – тоже профессия неплохая.

На том и порешили. Поступить в институт Коротков больше не хотел, но прозвище Студент к нему в цехе судоремонтного завода уже прилипло.

– Разрешите, Григорий Иванович? – Коротков постучал в дверь кабинета, расположенного на втором этаже производственного здания.

– Заходи, Анатолий. Присаживайся. – Парторга цеха Коротков, будучи комсоргом⁵ механического участка, знает хорошо, и часто общается с ним по всяким общественным работам.

– Понимаешь, какое дело... – парторг порылся в бумагах и, похоже, нашел, что искал. – Нам предлагают направить одного молодого рабочего в Харьковский юридический институт имени Дзержинского⁶. Слыхал о таком?

– Нет, не слышал. А какие экзамены там сдавать нужно?

– А я знаю... – почесал затылок парторг. – Знаю только, что если поступишь и закончишь, то следователем, наверное, будешь, а то и прокурором. Но главное, чтоб человеком оставался! Ну так что? Выписывать тебе характеристику-рекомендацию или еще подумаешь?

– Да чё там думать! Выписывайте, – махнул рукой Коротков, понимая, что он неожиданно получил из плохо перетасованной колоды жизни если не козырный туз, то, по крайней мере, козырной валет. Еще почему-то вспомнил бегающие маслянистые глазки профессора из двухкомнатной больничной палаты в парке на берегу Днепра. Вообще-то, все документы для поступления на исторический факультет у Короткова были готовы. Они с отцом лишь несколько недель назад приняли решение, что поступать в вуз «за бабки» он не будет.

– Раз так, закончишь смену, и чеши напрямиком в райком партии в организационный отдел. Там баба такая... Лощеная... Ну да ты знаешь, она зимой тебя инструктировала перед митингом. – Григорий Иванович, расставив руки и сложив ладони «лодочкой», явно попытался изобразить то ли размер таза, то ли высоту бюста заведующей организационным отделом Приморского райкома партии, расположенного недалеко от завода на проспекте с видом на синие морские дали.

– Помню, – перебил жестикуляцию парторга Коротков. – Ольга Ивановна ее зовут.

– Во-во! Ольга Ивановна! К ней и пойдешь. Только зайди, у меня сперва бумагу забери, – закончил беседу парторг.

---

⁵ Комсорг участка – Комсомольский организатор всесоюзной молодежной организации в каждом структурном подразделении на производстве – общественная должность, которая зачастую сводилась к собиранию комсомольских взносов – небольшого процента от заработной платы молодых работников.

⁶ Харьковский юридический институт им. Дзержинского – один из двух крупнейших в СССР юридических вузов страны. В настоящее время – Украинская национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого. Учебное заведение было создано в 20-х годах прошлого века, как институт Советского строительства, когда Харьков был столицей Советской Украины.

– Здравствуйте, – ответила без каких-либо эмоций на лице на приветствие Короткова рослая красивая женщина, принимая от него документы. Уже через минуту, еще не дочитав бумагу, партфункционерша гадливо сморщила носик. Точно так же она морщила точеный носик и полгода назад, когда правила Короткову текст выступления на митинге по случаю какого-то юбилея от имени молодых рабочих. Происхождение этих гримас рабочему было понятно: от его одежды, хоть она и висела всю смену в раздевалке душевой, исходил густой дух – помесь запахов металлической окалины, машинных масел, дыма сварочных аппаратов, эмульсионной жидкости и многих других, присущих металлообрабатывающим цехам крупных предприятий.

– Мне очень жаль, но вы, молодой человек, опоздали. Сегодня в 17:00 будет заседать бюро райкома партии, которое утвердит кандидатуры абитуриентов в юридический институт, а вам необходимо предоставить еще целый ряд документов. – Ольга Ивановна протянула бумагу обратно, держа ее двумя наманикюренными пальчиками за краешек так, будто бы от ее тоже исходил неприятный заводской запах.

– Мне нужно всего полчаса, чтобы взять такси и привезти недостающие документы. Я собирался поступать в другой институт, и все документы у меня готовы, – Коротков едва сдерживался, чтобы его голос не выдал поднявшуюся злобу на эту расфуфыренную барыню от Коммунистической партии.

Секунду-другую документ в красивой руке еще висит в воздухе, но затем помещается в красную папку с золоченой надписью: «Заседание бюро». Брезгливая гримаска мадам меняется на сосредоточено-деловое выражение, но разочарование каких-то сорванных планов читается в красивых с глазах с влажной поволокой.

Уже в такси Коротков пытается сообразить: вчера документы из райкома партии поступили в партком завода⁷. Сегодня утром – в цех. Григорий Иванович вызвал его в тот же день. Коротков без раздумий согласился. Уже после обеда пришел в организационный отдел райкома партии. И сегодня же бюро утверждает кандидатов на поступление в вуз. Это же просто случай, что все документы у него готовы! На одну медицинскую справку уходит почти десять дней!

Вероятный ответ на размышления молодого рабочего, роившиеся у него в голове, нашелся на бюро райкома партии. «Утверждение» скорее всего было бюрократической формальностью. Вместе с Коротковым поступать в институт едут двое парней – оба отпрыски крупных начальников. Одного из них Коротков встречал у себя в цехе. Он уже «целых» два месяца слонялся в составе заводских слесарей-ремонтников. Нужно думать для того, чтобы приехать в институт с направлением райкома партии в качестве представителя рабочего класса.

Вступительные экзамены, скорее всего, тоже формальность. Коротков сдал историю СССР на пять баллов, а еще три экзамена на «тройки». С таким багажом на исторический факультет приднепровского вуза его, конечно же, не приняли бы. А в Харькове – прошло. Окажется, здесь главное – это не знания, а членство в Коммунистической партии, принадлежность к славному рабочему классу и, кроме того, как утверждала молва среди абитуриентов, из промышленной области Украины приехало меньше людей, чем требовалось по какому-то плану.

Слегка обалдев от свалившегося на него счастья, Коротков долго стоял у списка зачисленных в институт на первом этаже великолепного здания, что на улице Пушкинской. Теперь Харьков казался ему самым красивым городом из всех, что он видел. Детские дорожные впечатления о Москве, Киеве и Львове, армейские воспоминания о Тбилиси, конечно, не в счет.

---

⁷ Партком завода – партийный комитет предприятия. На крупных предприятиях страны парткомы имели права районных комитетов Коммунистической партии.

Почти через год Коротков со своим другом Юрой Акопяном приехал погостить в Ереван по случаю Первомая. За праздничным кавказским столом отец приятеля, выслушав историю Короткова, заявил:

– Толя-джан! Дарагой! Зачэм сказки рассказывать... Да!.. Ми сваи люди... Скажи, сколько папа дэньги давал?.. Мне сваих сынов устраивать па жизни надо!

– Дядя Бато! Клянусь! Это все – правда. – Горячился молодой студент.

– А-а!.. Нэ хочэш. Нэ гавары!.. Да... – Мудрые глаза нестарого еще армянина смотрели по-прежнему недоверчиво.

Портрет Брежнева

После окончания института Коротков был направлен на работу в прокуратуру Н-ской области в Западную Украину. Вообще-то, его должны были направить в область, из которой он поступал, но разговор в прокуратуре родного города, который произошел с тамошним шефом еще до распределения, все изменил. Разговор этот состоялся в большом кабинете, в который Коротков позже попадет еще не раз. Вопросы, конечно, задавал прокурор. Впрочем, вначале он с порога заявил: «У нас вакансий нет». Коротков извинился и направился обратно к двери.

– Кто у тебя родители? – Пришлось остановиться.

– Пенсионеры.

– Где живешь?

– На Моряках...

– Какая жилплощадь у родителей?

– Четыре комнаты.

– Женат?

– холост. – Коротков ответил, как юрист. Заявление о вступлении в брак они с подружкой уже подали, но бракосочетание состоится только через несколько месяцев.

– А... Так ты обеспечен жилплощадью!.. – Прокурор даже не пытался скрыть свой интерес: не предоставлять жилье молодому специалисту. – Пойдешь следователем в Н-ский район. Скажешь в кадрах, что я тебя беру.

«На хрен ты такой красивый нужен!» – Решил про себя Коротков. – Он хорошо знал характер своей матушки. В отцовскую квартиру привести молодую женщину не представлялось возможным. Поэтому и дал согласие кадровику из Н-ской области, который остановил его в коридоре института.

Коротков был уверен, что попадет на должность следователя, но пока не сложилось. Зачислили стажером прокуратуры сельского района, расположенного в окрестностях областного центра с довольно неопределенным кругом обязанностей – у всех на подхвате. Зарплата – 132 рубля. Ничего серьезного ему не поручали. Выезжал пару раз со следователем на происшествия. То утопление, то самоубийство. Несколько простых гражданских дел. Два-три уголовных дела, по которым Коротков поддерживал государственное обвинение. Ничего интересного. На производственной практике в большом южном городе ему поручались дела гораздо серьезнее, в том числе по расследованию преступлений и проверке происшествий.

Городок, несмотря на статус областного центра, тихий и уютный. Дома довоенной постройки покрыты красной черепицей. На окнах домов медные запоры необычной конструкции, которые установлены много десятков лет назад, и ни разу не менялись. На улицах пышные, ухоженные клумбы с цветами, необычные деревья и множество маленьких магазинов, кафе и кафетериев с доносящимся из них запахом натурального кофе и пирожных. Город с северо-востока прикрыт горной грядой, и климат здесь явно мягче, чем в других городах Украины. Люди на улицах непривычно вежливые и спокойные (за исключением цыган, которых довольно много), правда, ухо режет непонятная венгерская речь, необычный говор и интонации славян, которых сложно назвать украинцами. Впрочем, русский язык тоже слышен повсеместно. Много униформы – военные, милиционеры, пограничники, лесники, железнодорожники и даже судебные исполнители, как и сослуживцы Короткова, ходят в форменной одежде (на востоке прокурорские в основном одеты в гражданское). Здесь никто не знает зарплат в 700 рублей, как у шахтеров, но странное дело – на окраинах города притаились увитые плющом двухэтажные особняки. Шахтер или металлург никогда не построит такие на свою зарплату.

Наконец-то! Короткова включили в состав следственно-оперативной группы во главе с начальником следственного отдела прокуратуры области. У него была русская фамилия и отчество, как у Кутузова, – Илларионович. Вот теперь будет интересная работа! Но как бы не так...

Оказалось, по делу крупного хозяйственника, обвиненного в хищениях социалистической собственности в особо крупных размерах, предварительное следствие уже закончено. Короткову поручено ознакомить обвиняемого с материалами дела. Собственно, знакомится-то он сам, а Коротков должен составлять график ознакомления обвиняемого с материалами дела и наблюдать, чтобы обвиняемый не вырвал и не уничтожил какой-либо документ. Адвоката почему-то нет, хотя его участие по делу обязательно. «Наверное, уже ознакомился», – прикидывает стажер.

Обвиняемый никуда не торопится. В час переписывает две-три странички. За день – полтома дела. А томов-то более 50-ти! Через два дня заканчивается срок содержания под стражей, определенный прокурором Украинской ССР, и обвиняемый явно надеется, что его освободят из-под стражи до суда на подписку о невыезде.

«Ага, освободят!.. – Думает Коротков. – По расстрельной-то статье!»

Илларионович уже улетел в Москву продлять сроки содержания под стражей.

Две недели. Изо дня в день с перерывом на обед и на прогулку арестованного. Успел ли пообедать стажер – никого не волнует, хотя на то, чтобы щелкнуть всеми запорами за спиной, выйти и войти обратно требуется чуть ли не полчаса. Коротков каждый день приходит с томами дела к 9:30 в следственный изолятор КГБ⁸ (хозяйственника поместили сюда из-за важности дела и из стремления гарантировано его изолировать от информации извне, видимо, не доверяя этого арестованного изолятору МВД, где он и должен содержаться) и в 17:30 покидает его. Иногда прапорщик конвоя заходит в следственную камеру внепланово:

– Извините, у нас банный день. Извините, у нас еще что-то. Других слов прапорщик не произносит. Тоска смертная...

Слава богу! Вернулся из Москвы Илларионович. Короткова за ненадобностью отправили назад в прокуратуру района.

Утром следующего дня прокурор района, обычно не замечающий стажера, рабочее место которого находится возле завканцелярии в приемной, подошел к столу Короткова и положил на стол тоненькую папку надзорного производства по уголовному делу.

– Мы уезжаем с помощником на проверку в район. Будем только к вечеру. – Говорит шеф по-русски с сильным местным акцентом, почти не поворачивая голову и не глядя на стажера.

Из-за того, что у него практически не поворачивается голова на шее, молодые работники прокуратуры и следователи милиции за глаза называют прокурора Водолазом. Говорят, что он после войны закончил какие-то прокурорские курсы при львовском университете и не имеет диплома о высшем юридическом образовании. Так это или нет, Коротков достоверно не знает, но уже заметил, что шеф ходит в суд только в тех случаях, когда подсудимый (как пишут местные правоохранители в протоколах) – «украинец цыганской народности». В таких случаях в зал суда набивается чуть ли не весь цыганский табор, а к конвою добавляют кинологов с овчарками. Шеф в обвинительной речи не дает юридической квалификации содеянному и обращается почему-то не к суду, а к цыганам, набившимся в зал суда. Речь прокурора всегда начинается одинаково: «Товарищи цыгане! Как же вы докатились до такой жизни!..» При этом цыгане прокурора очень боятся (почти поголовно неграмотные, и говорят в основном на венгерском языке), но слушают очень внимательно. Крики и стоны начинаются лишь после того, как прокурор попросит суд назначить столько-то лет тюрьмы. Он так и говорит: «Тюрьмы!», хотя пола-

---

⁸ КГБ – Комитет государственной безопасности СССР.

гается назвать режим колонии, в которой отбывают лишение свободы: общий, усиленный или строгий.

– Дело простое, но будь поостороже... По мере наказания посоветуйся с судьей. – Закончил прокурор напутствие молодому специалисту.

Коротков неспеша направился в суд по набережной. Выпил кофе с пирожным. Здесь эти вкусные пирожные почему-то именуют «тисто», хотя по-украински следует говорить «тист-эчко».

Уголовное дело небольшое. Тоненький том. Некто Сыч, студент 4-го курса медицинского института обвиняется в том, что он, будучи в состоянии алкогольного опьянения и находясь на территории дома отдыха в пригороде, действуя с особой дерзостью и грубо нарушая общественный порядок, складным ножом изрезал портрет на аллее сквера, причинив материальный ущерб общественной организации, чем совершил преступление, предусмотренное частью 2 статьи 206 УК УССР, т. е. злостное хулиганство. И все бы ничего, но на портрете был изображен Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Коротков уже знал, что в местном медицинском институте учится в основном золотая молодежь: дети различных советских и партийных работников, заслуженных врачей и т. д. Он даже уже слышал фамилию Сыч, но где именно, и в связи с чем, вспомнить не мог.

Изучаемое им дело действительно не представляло какой-либо сложности. Коротков уже знал, что хулиганство – универсальная статья Уголовного кодекса и, так как она трактуется теоретиками и практиками от уголовного права, то под ее действие можно в принципе подвести любой неблагоприятный с точки зрения власти поступок, если он не подпадает под действие иной нормы уголовного закона. Мальчишка, который обвинялся по настоящему делу, в общем-то, ничего страшного не совершил. Он поспорил на танцах в доме отдыха с приятелем по причине, старой как мир: кто из них пойдет провожать понравившуюся им обоим девушку. И, вероятно, хотел объяснить приятелю меру своего негодования, заявив: «Если бы ты мне не был другом, то я не знаю, что с тобой сделал!..» А поскольку слов не хватало, то достал перочинный нож и в сердцах начал резать им полотно портрета, явно не к месту стоящего на аллее парка. И все бы ничего, но на полотне-то намалеван руководитель государства!

В целом, хулиганство как хулиганство – вот только возбудил дело не следователь милиции, а следователь областного управления КГБ, он же избрал меру пресечения – содержание под стражей. Да и Н-ская область маленько специфическая – и сорока лет не прошло, как вошла в состав нашего Отечества. Разобравшись, что студент не преследовал никаких политических и антисоветских целей, следователь госбезопасности передал дело по подследственности – в районное отделение милиции. А уже оттуда дело перекочевало в суд.

В зале судебного заседания много молодежи, красиво и дорого одетой. Студенты. Пестрые импортные «шмотки» публики резко диссонируют с обшарпанной мебелью и облупившимися стенами суда.

Проблем у Короткова с государственным обвинением нет. Вина доказана. С этим, похоже, согласна и защита. Ее представляет какая-то серая тетечка с напуганными глазами.

В перерыве перед прениями⁹ Коротков зашел в кабинет к судье – симпатичной и вежливой женщине лет тридцати пяти (она на должности судьи едва полгода, но постарше и значительно опытнее государственного обвинителя).

– Прокурор сказал посоветоваться с вами по мере наказания. – Коротков топтался у двери, поскольку ему не предложили сесть.

– Он сам-то что сказал по этому поводу? – Судья явно взволнована и раздражена.

---

⁹ Прения – стадия судебного рассмотрения дела, в которой участники судебного процесса высказываются о правильности судебного следствия, доказанности или недоказанности вины подсудимого, а также высказывают суду свои предложения об избрании меры наказания.

– Ничего конкретного. – Развел руками стажер.
– А где прокурор сейчас? Я ему уже раз пять звонила!
– Уехал с какой-то проверкой в район вместе с помощником.
– Идите в зал! – Судья махнула на Короткова рукой. Махнула ладошкой от лица, как бы закрываясь от него. Прикрывая за собой дверь, Коротков услышал грязное ругательство. Он удивленно остановился и посмотрел по сторонам. В коридоре никого не было. В кабинете они были только вдвоем. А голос был женский...

После перерыва в зале явно добавилось работников милиции.

«Человек десять. – Удивленно прикинул Коротков. – Странно. В зале ведь не цыгане. И подсудимый щуплый, с меня ростом».

В прениях он долго и подробно давал общественно-политическую оценку совершенному преступлению. Четыре года учебы в харьковском коммунистическом вузе не прошли даром. Он почти искренне негодовал поступком подсудимого, хотя в глубине души этого щуплого малого было жаль. Попросил избрать меру наказания в виде лишения свободы в ИТК усиленного режима сроком на 4 года лишения свободы... Именно такой приговор судья и вынесла после короткого пребывания в совещательной комнате.

«Странно. – Думал стажер. Обычно судьи уменьшают предложенную прокурором меру наказания». На их судейско-прокурорском сленге это называется «на адвоката».

Опять прогулка по набережной. Горная река уже по-осеннему вздулась от дождей, выпавших где-то на перевале, и глухо бурчит на перекатах. В городе еще тепло, и деревья аллеи образуют над пешеходами красивые золотистые арки. Сидящие группками на скамейках студенты боязливо смотрят на Короткова и что-то осуждающе говорят в его адрес, но что именно – не разобрать. Разница в возрасте между ними и Коротковым небольшая, 3–4 года.

«Да ну их! Плевать... Такая у меня служба», – думает стажер прокуратуры.

В прокуратуре пусто и тихо. Даже секретарь перестала стучать на машинке и теперь сонно «клюет» носом у телефона. Следователь тоже выехал на какое-то происшествие.

– Может я уже поеду домой? – Вопросительно смотрит на стажера уже не молодая секретарь прокурора, она же – завканцелярии и ответственная за архив прокуратуры.

– Да разве я вам начальник? – Смеется стажер. – Езжайте, конечно. Все равно начальство вернется не скоро. А я посижу, – ему действительно некуда спешить. В рабочую общагу, куда два месяца назад его заселил прокурор, ехать совсем не хочется. Пустая прокуратура в прошлом – это 5-комнатная квартира какого-то австрийского или венгерского буржуя. В холле даже диван есть, можно завалиться с книжкой и дожидаться вечера или прокурора. Котлета в тесте на ужин у Короткова есть, а чай можно вскипятить.

В пустой прокуратуре телефон звонит как-то тревожно. На другом конце провода представляются:

– Начальник районного отделения милиции подполковник такой-то! Коротков его уже знает по голосу и даже видел пару раз.

– Стажер прокуратуры Коротков! Слушаю вас.

– Где прокурор? Где помощник прокурора? Как дело Сыч? Какая избрана судом мера наказания? Кто поддерживал обвинение? Не было ли каких эксцессов?

Коротков сдержанно, кратко, как в армии, ответил на все вопросы, отметив про себя, что дело Сыч у начальника милиции вызывает как повышенный интерес, так и повышенное беспокойство.

Опять звонок. Ответственный секретарь обкома партии, ни о чем не говорящая фамилия.

«Черт знает, что за птица с такой должностью». – Думает Коротков. Вопросы те же, что и у начальника милиции. Ответил и на них.

Снова звонок. Главный редактор областной газеты. Вопросы и ответы снова те же. Коротков догадывается, что влип в какую-то историю. Вспоминает, где встречал фамилию Сыч – это фамилия замредактора областной газеты – печатного органа обкома Компартии. Коротков задумчиво сидел у телефона, отложив в сторону книжку.

Последним позвонил дежурный областного управления КГБ майор Иванов.

– Прокурор и помощник выехали в район. По делу Сыч обвинение поддерживал я – стажер прокуратуры Коротков, приговор суда – четыре года лишения свободы, эксцессов не было! – Помимо тревоги у Короткова закипает злость и голос от напряжения слегка подрагивает.

На следующий день Коротков поприветствовал Водолаза, несмотря на то, что тот его подставил. Прокурор буркнул в ответ, даже не глянув в сторону Короткова. Только помощник прокурора, сочувственно глядя на Короткова, расспросил, как проходило слушание дела Сыч.

– Эмиль Иванович, я что-то не так сделал? – Поинтересовался Коротков.

– Да нет. Все правильно. – Ответил помощник, но объяснять ничего не стал.

Еще через пару дней Коротков уже ехал в неведомый ему дальний горный район с приказом о назначении стажером на должность помощника прокурора, вспоминая разговор с генералом – прокурором области. У генерала в кабинете он был впервые после того, как их, шестерых выпускников харьковской «юрки», после прибытия из института напутствовал прокурор области. Спросил, согласен ли Коротков на перевод. Полушутя-полусерьезно расспросил, откуда у него деньги на десятидневное проживание с женой в престижной гостинице (откуда-то знал и это!). Сказал, что Короткова направляют в очень интересный и красивый высокогорный район, где для него освободят однокомнатную квартиру. Отвечал Коротков кратко, по-армейски. Мол, куда прикажут – туда и поеду. А деньги подарили на свадьбу недавно, еще не потратил. Приятно было думать, что он получит первую в своей жизни квартиру. Вот только непонятно: его поощряют, наказывают или отправляют от греха подальше?..

Приговор

Рабочий день начинался обычно. Коротков уже неделю состоял на службе в должности стажера помощника прокурора района. Свои нехитрые обязанности он начал с посещения канцелярии суда, который находился в одном коридоре с прокуратурой. Бегло ознакомившись со списком судебных заседаний, он понял, что в кабинете сегодня не отсидишься. Не то, чтобы ему нравилось проводить время в хмуром приземистом здании, выложенном диким камнем, где каких-нибудь сорок лет назад находилась венгерская жандармерия. Сегодня горный городок с самого утра накрыли густые облака, сеял дождь, и лучше было бы натопить старинную, выложенную изразцовой плиткой печь, и заняться бумажной работой... Увы. Судейские запланировали на сегодня выездное заседание в поселке у самого перевала.

Коротков вернулся к себе в кабинет, пройдя по длинному коридору мимо людей, столпившихся у дверей нотариуса. Нашел папку с надзорным производством и быстро перечитал обвинительное заключение по делу. Некто Ворохта Иван обвинялся в хищении социалистической собственности или общественного имущества (ст. 81 части 2 УК Украинской ССР). А если человеческим языком – за то, что собрал триста килограммов яблок, которые сдал заготовителю за 360 рублей. На беду Ивана, какой-то умник из ОБХСС¹⁰ проверял бумаги у заготовителя, а потом еще и установил (справочка имеется), что яблони вдоль дороги двадцать лет назад посадил колхоз «Новая жизнь». Значит, утверждает следователь, обвиняемый присвоил общественное имущество, тайно завладев им.

– Да уж... – Прикинул стажер. – Формально и опер, и следователь правы, а по существу – сволочи! Парня подвели под статью за яблоки, которые до осени так никто бы и не собрал. Впрочем, чего уж тут умничать, обвинение утверждено прокурором. Как там у Высоцкого – «... Жираф большой – ему видней».

Коротков взял папку и зашел в приемную к Жирафу. Пардон. К старшему советнику юстиции¹¹. Поздоровался с секретаршей.

– Шеф у себя? – Немолодая женщина равнодушно кивнула Короткову, продолжая монотонно печатать на машинке. Постучал в дверь кабинета.

– Разрешите?

– Заходи. Сидай. Шо в тэбэ? – Прокурор с Коротковым говорит в зависимости от настроения – иногда по-русски, но чаще на украинском языке. Когда он с посетителями говорит на местном диалекте, стажер едва улавливает суть. Пьяный, он куражится и быстро говорит на звонком и мелодичном венгерском. Тогда уж черт его поймет! Впрочем, он и с румынами может общаться, хотя и не так уверенно, как по-мадьярски.

Шеф встретил Короткова в распахнутом мундире с тремя большими звездами. Взгляд мутный. Лицо помятое. Похоже, вчера был очередной затянувшийся до полуночи ужин с обильными возлияниями. В этом районе, из которого до центра области нужно ехать почти восемь часов по горной дороге, шеф боится только двоих – первого секретаря райкома компартии и начальника районного управления КГБ. К остальным снисходителен. Юрист он грамотный, может дать дельный совет, но скупно, как бы нехотя. Говорят, в 68-м году он заходил

---

¹⁰ ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. В середине прошлого века они были в каждом отделе милиции. Потом они повсеместно были реорганизованы в отделы по борьбе с преступлениями в сфере экономики. Возможно, так называются и сейчас.

¹¹ Старший советник юстиции – классный чин в органах прокуратуры, соответствует воинскому званию полковник.

в Чехословакию военпрокурором в составе нашей армии. Кадровик, когда вручал Короткову приказ о назначении на должность, сочувственно советовал:

– Ты, если видишь, что он пьян – уходи с работы...

«Но пьян-то он почти каждый день, иногда уже к полудню»... – Грустно подумал стажер.

Выслушав доклад Короткова и вяло полистав документы, шеф распорядился:

– Поедем вместе. Обвинение я буду поддерживать лично. Надо ж тебя когда-то учить!

Позвонишь директору лесокомбината, чтобы дал автобус. Будет упираться – доложишь мне. Выезжаем в 10:30.

В кабинет без стука вкатился кругленький председатель суда.

– Вот и хорошо! Я к вам как раз насчет транспорта. – Выходя из кабинета, стажер отметил, что судейский выглядит не лучше прокурора. Видно, что ужинали они вместе.

Автобус подкатил к поселковому совету часам к двенадцати. Коротков в этом поселке еще не был. Но то, что подъехали к поссовету, понял сразу: полстены одноэтажного здания занимало панно с руководителем государства в орденах и звездах Героя. Навстречу к приехавшим вышел председатель, крупный мужчина средних лет. По-местному – голова. Заискивая, пригнувшись в полупоклоне, он двумя руками пожал руки прокурору и судье. Короткова и остальных гостей из района – двух народных заседателей, молоденькую секретаршу судебного заседания и скромного адвоката голова удостоил лишь кивком головы. Впрочем, через пять минут и стажер был удостоен крепкого рукопожатия.

В кабинет головы были приглашены лишь судья и прокурор со стажером, остальные прошли в зал. Адвокат остался на улице. Наверное, хотел что-то обсудить с подзащитным. На двери висела табличка: «Зал бракосочетания».

Несмотря на дождь, у входа в поссовет стояла группка нарядно одетых мужчин и женщин. Среди них выделялся рослый, широкоплечий гуцул¹² лет двадцати пяти, обутый в кирзовые сапоги, как если бы собрался в лес на работу. На руках он держал девочку двух-трех лет, одетую в яркий тулупчик (по местному – кожушок). Когда состав суда шествовал мимо них, мужчины, несмотря на дождь, резко сорвали шляпы в приветствии, женщины зашептались, и только рослый парень, сверкнув глазами в сторону приехавших, шляпу не снимал. Коротков вдруг почувствовал симпатию к этому парню. Ясно, что этот молодой гуцул и есть подсудимый.

Кабинет головы по всей видимости был подготовлен к приезду гостей. На столе вместо документов и письменных принадлежностей – бутылки спиртного и красивые тарелки с разными мясными блюдами и копченостями. Коротков невольно сглотнул слюну. Утром он в дешевой столовке проглотил порцию сырников и выпил прозрачный чай.

Шеф оживился. Но благодушно пожурил председателя: мол, мы работать приехали, а ты тут нас соблазняешь. Судья вопросительно смотрел на прокурора. Тот хорохорился перед стажером:

– Видишь, как прокурора встречают! Позови сюда адвоката!

Коротков молча вышел на крыльцо. Адвокат шел, запихивая в нагрудный карман сотенную бумажку. Купюра немного скомкалась и никак не проскальзывала в узкую прорезь кармана.

---

¹² Гуцулы – этническая группа карпатороссов (русинов или червонороссов), живущих преимущественно в горах, проживающая в юго-восточной части Карпат. Их язык сохранил много слов из домонгольской Руси, или киевской Руси. Их обычаи, костюмы, песни, музыку и нравы очень точно изобразил М. Коцюбинский в повести «Тени забытых предков», а Параджанов показал в одноименном фильме, получившем мировое признание. Как мне представляется, и Коцюбинский, и Параджанов очень точно уловили, что в Карпатах, в силу природной замкнутости пространств и ограниченности общения жителей с другими славянскими народами, сохранился некий осколок Древней Руси, а местное население ведет образ жизни, похожий на жизнь наших далеких предков.

– Пойдем. Зовут. – Хмуро кивнул адвокату стажер и, не оборачиваясь, вернулся в кабинет головы.

– Слушай сюда, пан адвокат! – Шеф с судьей уже пропустили по маленькой и закусывали аппетитными ломтиками, не приглашая вошедших к столу.

– Стол, как видишь, уже накрыт. Все простывает. Поэтому ты сильно не распространяйся, а то ведь знаю: любишь поговорить. Короче... Не серди меня!..

Все переместились в зал. Судья вошел последним. Секретарь пропищала, стараясь быть солидной:

– Прошу встать! Суд идэ! Все встали. Прокурор, положив ладони на стол, качнулся, как бы вставая, но не встал. Он уже повеселел, раскраснелся и расстегнул мундир с двумя рядами блестящих пуговиц, на которых красовался герб СССР.

– Прошу сидаты! – Произнес судья и сел сам. По обе стороны от него расположились народные заседатели¹³ – безликие тетушки из лесокомбината. Коротков уже знал, что на судейско-прокурорском жаргоне их называют кивалами. Они, формально имея все права судьи, ничего не решали и во всем соглашались с судьей. Обычно руководители предприятий направляли в суд тех, чье отсутствие на предприятии не сказывалось на результатах работы.

Адвокат в скромном сереньком пиджачке, как нахохлившийся воробушек, примостился за столом напротив прокурора, сверкающего звездами. Подсудимому указали место на передней скамье, где он и расположился, не зная куда пристроить тяжелые кисти рук. Остальные гуцулы тесно сбились у него за спиной. Коротков сел один, но так, чтобы всех видеть, и вдруг ощутил себя зрителем в любительском спектакле.

Над головой у судьи – панно. На нем – молодая супружеская пара с маленькой девочкой на руках. Нелепость ситуации, кажется, ощущал лишь молодой юрист. Уголовный процесс осуществлялся в помещении с праздничной атрибутикой, предназначенной для бракосочетания! В довершение идиотизма ситуации над изображением молодоженов красовалась выведенная крупным шрифтом надпись: «Будьте счастливы!»

Свидетелей по делу не было. Точнее были. Заготовитель и колхозный бригадир. Но в документах дела была бумажка о том, что-де оба заняты на производстве, и в судебное заседание прибыть не могут.

Проверив явку участников судебного процесса, судья монотонно, проглатывая фразы, начал читать обвинительное заключение¹⁴.

– Торопится. – Отметил стажер. – Еще бы! На столе у головы такая закуска!..

Гуцулы явно не понимали и третьей части того, что читал судейский.

Впрочем, не удивительно. Текст обвинительного заключения напечатан на русском языке (делопроизводство в милиции и прокуратуре ведется на русском языке). Текст, написанный по-русски, судья на ходу, не очень аккуратно, но привычно переводит на украинский язык (делопроизводство в судах ведется на украинском языке).

«Уж лучше бы читал по-русски. Хотя бы мужики, служившие в армии и выезжавшие в северную часть России на лесоразработки, поняли, что такого натворил Иван Ворохта, – подумал стажер. – Украинский они понимают хуже, тем более, терминологию».

---

¹³ Народные заседатели – лица, не являющиеся профессиональными судьями, которые периодически привлекались судом для рассмотрения дел периодически, но имеющие все права судьи при рассмотрении конкретного дела.

¹⁴ Обвинительное заключение (ОЗ) – итоговый документ предварительного расследования дела, составляемый следователем и утверждаемый прокурором. В указанный период ОЗ оглашалось судьей. В настоящее время его оглашает государственный обвинитель.

Утомленная, плохо ориентирующаяся в происходящем публика сосредоточивает свое внимание на прокуроре, интуитивно понимая, что главное действующее лицо здесь он. Тот же, откинувшись в кресле, расслабленно о чем-то думает и, похоже, почти не слышит судью.

Судебное следствие прошло стремительно. Невнятные и угрюмые показания Ивана, оглашение судом отдельных материалов дела и показаний не явившихся свидетелей. Вот и все, уважаемые.

Когда судья, прокурор и адвокат стали задавать вопросы подсудимому, оживились гуцулы. Благо, вопросы были на местном русинском диалекте. Теперь напрягся Коротков. Некоторых слов он не понимал, хотя общий смысл улавливал.

«Конечно, все это не согласуется с нормами уголовно-процессуального права, – понимает стажер. – Но таковы, видимо, здесь реалии». После войны Советская власть объявила местных жителей украинцами, поэтому судопроизводство ведется на украинском. Но украинцами они стали только на бумаге... По факту этим людям нужно бы предоставить в суде переводчика, но если политическое руководство считает их украинцами... то формально уголовный процесс не нарушен, судопроизводство ведь ведется на их, якобы родном языке. Коротков из исторической литературы уже знал, что во время Первой мировой войны царские власти именовали местное население карпатороссами, т. е. их отличали от других подданных империи – малороссов. Но об этом сейчас лучше не говорить, иначе можно нарваться на какое-либо партвысказание за непонимание ленинской национальной политики, а следом вылететь с работы, получив «волчий билет».

В прениях прокурор строго и громогласно, периодически поглядывая в зал на Короткова, упомянул принятую год назад нашей Коммунистической партией Продовольственную программу (предметом хищения были продукты питания – яблоки), а посему, дабы другим не повадно было, потребовал избрать подсудимому меру наказания в виде двух лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Последние слова, сказанные на скверном русском языке, гуцулы поняли и неодобрительно загудели, но тут же замолчали.

Судейский резко встал и, вlepив ладонью по столу, закричал: – «Тыхо будьтэ!¹⁵».

Все замолчали, и адвокат выступил с защитной речью. Говорил он тихо и робко. Стажер понимал его плохо (адвокат построил свою речь на местном диалекте, что в целом тоже было нарушением уголовного процесса), но про себя одобрил.

«Ну ведь пропали бы эти яблоки. В колхозе большие сады есть, вдоль дороги яблоки никто не собирал. Не сорок шестой же!..» – О послевоенном голодном лете сорок шестого Короткову рассказывала бабушка. Поминала она и какой-то закон о «трех колосках», вот только в институте о нем ничего не рассказывали. По этому закону чуть было не посадили тетку, у которой был маленький ребенок, а муж погиб в первые дни войны. Коротков вспомнил деревенский погост на краю хутора, где упокоилась бабушка. «Царство вам Небесное, Мария Федоровна! И низкий поклон холмику в приазовской степи». Короткову вдруг захотелось выйти из этого зала – потянуло домой из этих затянутых облаками и нудным дождем гор в жаркую степь и разлив трав...

Защитник несколько раз сбивался под тяжелым взглядом прокурора, но упрямо продолжал, просил суд не лишать свободы Ивана. «Может, и не плохой парень этот адвокат», – подумал стажер.

Тихо было в зале и тогда, когда председательствующий объявил, что суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора.

«В кабинете у головы и писать-то негде, только если раздвинуть приборы», – подумал Коротков.

---

¹⁵ Тыхо будьтэ! (русинский) – Молчать!

– Ты там нэ довго. – Бросил прокурор в сторону уходящего в окружении тетушек судьи. Судейский бодро кивнул.

Шеф пригласил Короткова выйти покурить. Адвокат было направился вслед за ними, но прокурор резко сказал ему, не стесняясь присутствующих:

– Назад пойдешь пешком. Места тебе в автобусе нет!

Адвокат остался в зале.

Курили на веранде поссовета, обмениваясь ничего не значащими фразами. Прокурор снова выглядел подавленным, давешняя его вальяжность исчезла. Короткова нехорошее чувство не покидало уже с момента, как он вспомнил родные места. Благо, через десять-пятнадцать минут подбежала секретарь:

– Заходите в зал.

Все присутствующие в зале, включая невесть откуда взявшегося голову, чинно стояли и слушали приговор.

Судейский читал его, часто сбиваясь, так же медленно и монотонно, как и обвинительное заключение. Гуцулы снова ничего не понимали, но слушали внимательно и напряженно.

– Боже праведный! Ай-да наука для стажера! – понял Коротков. Судья читал приговор с чистого листа. Точнее, судейский лишь держал перед собой исписанные листы. Написать приговор за десять минут невозможно. Можно лишь сделать какие-то наброски. Но, скорее всего, многолетний навык позволяют судье делать вид, что он читает, а самому рассказывать приговор так, чтобы потом почти в точности изложить его на бумаге. Коротков осмотрел присутствующих в зале. Кривая полуулыбка прокурора свидетельствовала о том, что такой прием судейского ему известен. Остальные ни о чем не догадывались. Даже защитник, нагнувшись над столом, что-то записывал у себя на листочках и был погружен в свои мысли. Остальная публика в зале смотрела на судью, как на Господа Бога.

– ... Два года лишения свободы, – гуцулы вздрогнули – ... в ИТК¹⁶ общего режима. Меры пресечения до вступления приговора в законную силу оставить прежнюю – подписку о невыезде.

Публика, включая подсудимого, запуталась окончательно и теперь во все глаза смотрела на адвоката. Тот успокоительно кивает, мол, сейчас выйдет суд, и я все объясню.

Состав суда вместе с прокурорами чинно проследовал за головой в его кабинет. Растерянная публика и Ворохта окружили адвоката.

– Наливай! – Первое слово шефа, обращенное к голове. Тот охотно приступает к обязанностям виночерпия. Короткова слегка подташнивает от голода при виде блюд. Адвоката шеф впустил в кабинет лишь через полчаса, предварительно отправив в магазин за спиртным. Осматривая принесенные бутылки, прокурор сообщил адвокату, что тот амнистирован, и место в автобусе для него нашлось. Перспектива остаться в пустынном поселке у перевала в дождливый осенний вечер, конечно, последнего не радовала, т. к. уехать в город на общественном транспорте в это время практически невозможно.

Уезжали около полуночи. Коротков, будучи сам подшофэ, тащил прокурора. Бедные лесоконбинатовские дамы вели судью, поддерживая его с двух сторон, голова буквально занес в автобус полуживого адвоката, а заплаканная девочка-секретарь уже давно мерзла в автобусе, сбежав от пьяных приставаний мужиков. Голова вместе с водителем, размещая участников

---

¹⁶ ИТК – исправительно-трудовая колония.

выездного судебного заседания, уже не заискивал – только брезгливо грубил. Остатки уважения у него сохранились лишь к Короткову.

– Можешь пить, москалю, хоть и мелковат! – Фамильярно, на правах собутыльника, он похлопал по плечу стажера на прощание. Впрочем, кроме Короткова, ему и прощаться-то уже почти не с кем.

Следующий рабочий день был еще хуже предыдущего. Тучи плыли, подгоняемые ветром прямо по улицам города. Шел дождь с мелким колючим снегом. От рева реки, взбухшей за ночь и несущейся вниз к венгерским равнинам со скоростью локомотива, голова заболела сильнее. Здание бывшей жандармерии как будто вздрагивало от этого сокрушительного потока, несущего на себе небольшие деревья, вырванные с корнем у берега.

Благо, сегодня не было выездных заседаний суда. А пятнадцатисуточник¹⁷ из ИВС¹⁸, похожий на цыгана, принес горку сухих березовых дров – с ними в кабинете будет тепло и уютно.

Первым посетителем оказался вчерашний адвокат, ввалившийся в кабинет и явно намекающий присесть на краешек стола.

– Алэ мы вчора ся упылы! Ныч нэ памьятаю!¹⁹

– Не мы упились, а вы упились! – Коротков решительно отстранил его от стола. – Прошу прощения, но мне нужно работать. Он взял в руки документы, давая понять адвокату, что тот свободен. Вчерашняя симпатия к этому парню уже улетучилась.

Голова начинала понемногу соображать. «Хорошенькое дело», – подумала голова. – В уголовной канцелярии суда девчата судачат о том, что председатель суда вчера зачитал приговор с чистого листа, а сейчас выясняет у своей секретарши, какую меру наказания вынес Ворохте. Но что может эта дуреха ему рассказать?..

– Пусть сами выкручиваются! – Почему-то со злостью подумал стажер.

В дверях появилась секретарь прокурора, она же заведующая канцелярии.

– Вас прокурор вызывает!

Собравшись с мыслями, Коротков вошел к шефу.

– Разрешите? Здравствуйте... – В ответ отмашка в сторону свободного стула.

– Присаживайся.

Здесь же – встревоженный и помятый судейский. Шеф спокоен, но снова выглядит обрюзгшим и мрачным.

– Ты вчера конспектировал мою обвинительную речь? – Прокурор пристально посмотрел на Короткова. Тот напрягся. Все понял. По спине ручейком побежал пот.

«Хоть бы не покраснеть», – думает стажер. Еще со школьных лет он краснел, если нужно было сказать неправду. В памяти всплыло напряженное потное лицо Ивана Ворохты на скамье подсудимых.

– Сейчас сижу, записываю по памяти. В зале было неудобно на коленях писать.

---

¹⁷ Пятнадцатисуточник – административно арестованный, 15 суток – предельный срок ареста.

¹⁸ ИВС – изолятор временного содержания (в прошлом КПЗ – камера предварительного заключения).

¹⁹ Алэ мы вчора ся упылы! Ныч нэ памьятаю! (русин.) – Однако мы вчера упились! Ничего не помню!

– Что можешь сказать о предложенной прокурором и избранной судом мере наказания? – Шеф смотрит в сторону, как будто ответ его не очень и интересует. Судья напряженно и внимательно смотрит в мутное окно на ревущую в каменных берегах реку. Коротков понял, что покраснел. Почему-то вспомнились госэкзамены. Он был не совсем удачлив, и почти всегда тащил билет, на первый вопрос которого не мог ответить. Краснел, честно признавался, что первый вопрос не знает и просил разрешения начать ответ со второго. Приходилось выкручиваться...

Наконец, он успокоился и начал пространно рассуждать о правильно предложенной и избранной судом мере наказания в силу того, что ущерб возмещен, преступление совершено подсудимым впервые, осужденный имеет постоянное место работы, положительно характеризуется, вину признал, на иждивении имеет несовершеннолетнюю дочь и престарелую мать. Поэтому, предложенная обвинителем и избранная судом мера наказания в виде двух лет исправительных работ по месту работы с взысканием 20 % заработной платы в доход государства ежемесячно – законна и обоснована!

– Добре. Хватит! Свободен. – Махнул рукой шеф. – Покажешь потом свои записи, а то напишешь еще такого, что твой зональный прокурор из области скажет, что я с тобой не работаю. – И не красней, как красна девица! Ты уже без пяти минут аттестованный помощник прокурора!

Взрыв

Человеку для счастья, оказывается, нужно совсем немного. Хорошая и интересная работа, любящий и любимый человек рядом, уютная квартира... Впрочем, сложно было назвать уютной однокомнатную угловую квартиру в типовой панельной пятиэтажке на четвертом этаже, в которой поселился Коротков. Хотя, все относительно... Во-первых, своей квартиры у Короткова никогда не было, и последние десять лет он жил или у родителей, или в казарме, или в общежитии. Во-вторых (и это, конечно, главное), стоило в этой хмурой берлоге, где шкафом служил каркас из планок для транспортировки дивана, появиться молодой женщине, как квартира действительно стала теплой, уютной и даже красивой. При этом скелет импровизированного «платяного шкафа» был задрапирован каким-то сукном и неплохо смотрелся на фоне стены. На единственном окне появились шторы, и молодому юристу уже было стыдно за то, что был недоволен, когда стоял под потолком и ковырял бетонные перекрытия, чтобы их повесить. Сейчас шторы раскрыты, и за окном виден сказочный пейзаж: над горизонтом возвышается гора Мэнчул с шапкой из темно-зеленого леса, присыпанного снегом. В лучах заходящего где-то в Румынии солнца безлесая часть горы сверкает белизной нетронутого снега. Когда-нибудь летом они пойдут туда вместе с Зоей, прихватив бутылочку сухого вина, кусок сала и пару картофелин, чтоб запечь их на костре. Зое тоже нравится вид из окна, несмотря на захламленный двор и газовую установку, в которую как раз в этот момент специальная машина с противным свистом закачивает газ. Это благо цивилизации досталось всего нескольким домам, в которых проживал служилый люд районного центра. Остальные жители города, зажато со всех сторон громадами гор, обогревались и готовили пищу по-старинке, на дровяных печках, или использовали привозные баллоны с тем же газом.

Коротков ровно в 18:00 ушел с работы, хотя знал, что шефу такая торопливость не нравится, и сейчас уже стоял с женой у окна, обняв ее за теплые плечи. За рекой в проеме между домами было видно, что свет в окнах прокурора еще горит. А если выйти на балкон, то слева в соседнем здании тоже можно увидеть свет в кабинете первого секретаря райкома партии. Так руководящие чиновники района обозначают свои тяжкие труды на благо советского народа, и порой свет в их окнах гаснет лишь к полуночи.

«Завтра утром шеф начнет брюзжать и придирааться из-за того, что я «рано» ушел с работы», – думает молодой юрист. Но... Плевать! Они с женой всего год вместе. И то... В постоянной разлуке. Коротков прошлым летом уехал в Западную Украину, а Зоя оканчивала последний курс пединститута в большом городе Восточной Украины. Две недели назад старшая сестра жены тайком от тещи добыла Зое липовую медицинскую справку о каком-то мудреном заболевании, а теперь они уже неделю радуются жизни вместе. Ну а наука – куда она денется, особенно если вам – немногим за двадцать!

Ближе к вечеру они вдвоем сходили в кафе. Когда неспеша шли по тротуару центральной (она же почти единственная с многоэтажной застройкой) улице, освещенной фонарями, с Коротковым раскланивались городские и районные чиновники, живущие в соседних домах. Их жены, шпацирующие²⁰ рядом, громко шептали своим спутникам, указывая на Зою: «А цэ что за одна²¹?» Ее здесь еще не знали, поэтому местные дамы сверлили молодую женщину глазами, чтоб потом рассказать местным кумушкам, как выглядела и во что была одета жена «замести-

---

²⁰ Шпацирующие (русин., от немец.) – гулять, маршировать.

²¹ А цэ что за одна? (русин.) – Кто это?

теля» прокурора. Коротков знал, что его, стажера, здесь молва именует «заместителем» прокурора, вероятно, не понимая смысла слова «помощник». А поскольку манеры отличают его от местных мужчин, то кумушки ему еще и придумали какое-то «благородное» происхождение.

Зато в кафе на них никто не обращал внимание, и можно было даже представить, что они снова в Харькове. Негромкая музыка (Ободзинский пел о таких же «чайных глазах напротив», как и те, что смотрят на стажера), русскоговорящая публика – это туристы, в основном из молдавского Приднестровья, но встречаются и столичные жители – киевляне, москвичи, питерцы. Лыжный сезон в горах еще не закончился, и вечером все кафе забиты отдыхающими. Заказали кофе и нехитрый десерт из чернослива, залитого стуженным молоком. Впрочем, другого десерта и не было, но зато вкусный ароматный кофе здесь значительно отличается от того, что подают в харьковских кафе. «Прекрасный вечер», – думает счастливый Коротков.

Стажер уже лежал в постели и смотрел по телевизору программу «Время», Зоя листала книжку, как вдруг за окном раздался громкий хлопок и сверкнула вспышка. Коротков неспеша поднялся и подошел к окну. Взрывпакет?.. Но здесь обычно этим не балуются... Да и с четвертого этажа вспышка была бы не видна. Вдруг осколки оконного стекла полетели ему в лицо. Хорошо, что очки, которые он носит с подросткового возраста, смогли защитить глаза. Следом раздался и второй взрыв с ослепительной вспышкой чуть дальше, в глубине двора. Коротков успел заметить, что над газовой установкой во дворе свечей горит дерево. На него вопросительно смотрят глаза жены.

– Быстро одевайся, бери деньги, документы и бежим! – Команду Коротков отдал правильно, но сам, все еще сбитый с толку, начал делать глупости. Он медленно надел костюм и стал завязывать галстук.

– Зачем тебе галстук! – Зоя уже стояла у двери одетая, прижимая к груди сумочку. В подъезде вниз по лестнице уже бежали люди, были слышны топот, крики и женский плач. Коротков как проснулся – теперь уже в армейском темпе сбросил костюм, натянул джинсы, свитер, куртку и бросился к двери. По лестнице они бежали, взявшись за руки, кажется, последними. Двери квартир на нижних этажах были открытыми, под ногами хрустело стекло. Коротков даже успел заметить на втором этаже рядом с квартирой адвокатессы разбитые хрустальные рюмки.

Во дворе Коротков сделал вторую глупость: вместо того, чтобы повернуть вправо за угол дома и оказаться на улице, где дом бы их прикрывал от возможного взрыва газовых емкостей (горело сверху, над газовой установкой, и, казалось, что горит воздух), он, продолжая держать жену за руку, побежал влево через двор от пожара к зданию районного комитета партии. Они остановились только у райкома партии, рядом с лестницей, выходящей в сторону протестантской кирхи²² на площадь. Здесь же стояла огромная толпа людей, большинство из которых – полуголые соседи Короткова, остальные – зеваки. Некоторые даже успели вынести свои пожитки, сумки, даже чемоданы. Впрочем, нет... С сумками и чемоданами подходят люди, направляясь через мост к центру, – это пассажиры только что прибывшего из-за перевала львовского поезда. Краем глаза Коротков успел заметить едва одетую адвокатессу, прикрытую дорогой шубой и ее двухметрового молодого сожителя, который держал в руках шкатулку с

---

²² Кирха – культовое здание у протестантов, аналог костела – католического храма у католиков или церковь у православных.

драгоценностями своей возлюбленной. Только сейчас Коротков понял, что, убегая через двор, они слишком долго находились в опасной зоне. Ну да Бог миловал!

Вдруг краска стыда залила лицо стажера. Пока бежали, он даже не вспомнил о коллеге, который жил в их подъезде рядом с адвокатессой. У следователя прокуратуры двое маленьких детей. Впрочем, в голове уже светлеет. Отлегло. Коллега в отпуске, в горном приюте, катается на лыжах, спрятавшись от прокурора, а жену с детьми отправил в соседний район к родителям. Наконец, голова вспомнила о служебных обязанностях. Правда, нужно было куда-то определить Зою...

Через десять минут они уже были в здании прокуратуры. Увы, центральная часть города была обесточена, и света в кабинете Короткова нет, правда, печка еще теплая. Зоя пришла в себя настолько, что на предложение мужа остаться одной в кабинете темного пустого учреждения категорически отказалась, подтвердив отказ тихим всхлипыванием. Впрочем, оставлять жену здесь Короткову и самому не хотелось. Хмурое старое здание бывшей австро-венгерской жандармерии, вероятно, имело какую-то нехорошую ауру. Коротков и сам, бывало, когда заходил один в прокуратуру ночью, чувствовал себя неудобно. Близких знакомых в городе у него почти нет. Вспомнил, что недалеко живет семья однокурсника, который работает в другом городе, и дома появляется только на выходных. Туда они и направились. Благо город такой, что в любую его часть можно попасть за четверть часа.

Оставив жену в безопасном месте, Коротков, мучительно размышляя о том, как вести себя при таком ЧП²³, но ничего путного вспомнить не мог, кроме занятий по гражданской обороне, где говорилось о местах эвакуации и маршрутах движения студентов их вуза при ядерном ударе. Тьфу-тьфу, все не так уж и плохо, решил стажер, направляясь в райотдел милиции. Возле районного отделения сбербанка он заметил знакомого гэбиста. Тот, картинно обнажив свой «Макаров», стоял на крыльце вместе с молоденьким безоружным милиционером. Взрывной волной выбило почти все окна и витрины на центральной улице. Сквозь разбитое окно ресторана Коротков увидел трех мужиков, которые сгребали со стола стекла и при этом продолжали воздавать хвалу Бахусу²⁴! «Молодцы, однако, – почему-то одобрительно подумал Коротков, – по крайней мере эти люди ведут себя спокойно».

– Забигалы совиты, матир вашу курву!²⁵ – прозвучало в адрес Короткова. Сжимая в кармане куртки увесистую колодочку складного ножа, Коротков резко развернулся. Два плюгавых мужичка средних лет невыразительной наружности.

– А ну иди сюда, крыса! – решимости Короткову прибавил знакомый гэбист, который еще находится в поле зрения Короткова. Мужички юркнули между домами в темень. Стажер пошел дальше. На фоне горящего детского сада Коротков увидел группу людей. Рядом стояло несколько пожарных машин, и бесстрашно сновали пожарники в брезентовых робах и шлемах.

Среди стоявших на фоне пожара выделялся высокий человек в кожаном пальто и пыжиковой шапке. Коротков уже знал начальника районного отдела КГБ Сергиенко в лицо, но пока еще с ним был не знаком. Направившись к Сергиенко, стажер хотел было представиться, но тот сам назвал его по фамилии.

– Коротков! Где прокурор района?

---

²³ ЧП – чрезвычайное происшествие.

²⁴ Бахус – древнегреческий бог виноделия.

²⁵ Забигалы совиты (украин.) – Забегали, засуетились советы, т. е. представители советской власти.

– Не знаю, товарищ подполковник! В прокуратуре нет, в райотделе милиции я пока не был, – стажер не ожидал, что его здесь уже знают и ответил несколько сбивчиво. Рядом с подполковником стоят три крепыша в гражданском. Но судя по выправке – офицеры. Здесь же, чуть в стороне, знакомое лицо – старшина патрульно-постовой службы.

– Где ваш следователь? – Сергиенко обращается к Короткову, но смотрит на пожарников, которые тащат рукав брезентового шланга прямо в окно горящего здания.

– Он в отпуске. С выездом. Сейчас связаться с ним нет возможности. – Коротков был рад отвечать на вопросы и находиться рядом с этим собранным, уверенным в себе человеком.

К ним подошел незнакомый капитан внутренней службы.

– Товарищ подполковник, отойдите!.. Пожалуйста... Христом богом прошу... – Говорит капитан по-русски с местным акцентом. – Емкости с газом еще могут взорваться!.. Коротков покосился в сторону газовой установки. Видимо, емкости находятся под землей, за оплавившимся металлическим ограждением, где пожарники периодически поливают пеной участок земли с обгоревшими приборами и приспособлениями.

– Занимайся своим делом, капитан! – Отмахнулся от него гэбист. – Значит так, Коротков! Бери милиционера и мою машину. Езжай в газовое хозяйство. Опечатаешь все сейфы и шкафы. Оставишь там милиционера на посту... Ни одного человека в здание не пускать! – Сергиенко повернулся к милиционеру. – Эти идиоты устроили какие-то занятия в Поляне (село в 40 км от города) всем личным составом! В гробину, душу мать!.. – Старшина попятился за спину Короткова. – Он точно не виноват в том, что личный состав выехал на занятия, но гэбист явно видит в старшине все милицейское начальство района. В глазах у него недобрые отблески пожара. – ... Если встретишь где-нибудь начальника газового хозяйства, то запикивай его в машину и вези к нам в отдел. Через час-полтора жду тебя у себя! Да... И постарайся найти прокурора, каким бы он ни был.

– Ершов! – Один из крепышей вытянулся. – Езжай с прокурором, ежели чего, поможешь!

Через час (около половины первого ночи) Коротков зашел в прокурорский кабинет Сергиенко. Здесь уже были первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома, начальник милиции и еще какие-то важные люди. Особняком сидел руководитель газового хозяйства, вид у него был жалкий. Коротков, смутившись, поздоровался (всегда старался держаться подальше от начальства, а тут их вон сколько в одном месте). Все еще чувствуя себя неловко (Сергиенко не был его руководителем, хотя и давал поручения), доложил о проделанной работе, стараясь смотреть в сторону первого секретаря, как бы докладывая обоим. Первый секретарь одобрительно молчал... Сергиенко по-отечески похлопал стажера по плечу:

– Добро, Анатолий! Там в приемной у секретаря почти вся информация по взрыву. Прочитай и доложи о том, с чем согласен, в область по своей линии. Шефа твоего не нашли до сих пор... О нем докладывай, как знаешь, но к утру, хочешь от своего имени, хочешь от имени прокурора, но накрапай постановление о возбуждении уголовного дела по факту взрыва и причинения ущерба государственному и общественному имуществу. Статью, думаю, подберешь... У вас там нет света, можешь работать у нас – вон хоть бы у Ершова в кабинете. Наша секретарь все, что нужно, тебе отпечатает... Давай, смелее, прокурор!

Коротков с Ершовым вышли из кабинета. Они были уже на «ты». Секретарь протянула стажеру лист бумаги с печатным текстом.

– Это ваш экземпляр.

Некоторые фразы из документа были аккуратно закрашены черной тушью. В оригинале это был доклад гэбистов своему областному управлению. Смысл документа сводился к следующему: В 21:20 в результате халатной эксплуатации групповой газовой установки во дворе по ул. Мира, 5, произошла утечка газа. Газ скопился в подвальных помещениях детского сада № 2, где от искры произошел взрыв, а затем пожар. По предварительным данным жертв и пострадавших нет. Полностью разрушены и выгорели два здания детского сада. Взрывной волной выбиты окна и витрины на нескольких улицах города. Размер ущерба устанавливается. Магазины и учреждения взяты под охрану силами местной милиции. Прокуратурой возбуждено уголовное дело по факту неосторожного уничтожения государственного и общественного имущества. Создана следственно-оперативная группа во главе с помощником прокурора Коротковым, в которую включены оперативные работники органов госбезопасности и внутренних дел. Руководитель газового хозяйства района дает пояснения, рассматривается вопрос о его задержании. Документация газового хозяйства опечатана и взята под охрану.

«Надо же... Оказывается, я уже – помощник прокурора и «возглавляю» следственно-оперативную группу! Ай-да подполковник!..» – конечно, сам бы он так толково бумагу составить не смог. За те неполные пять месяцев, что стажер состоит на службе в органах прокуратуры, информации в вышестоящие инстанции о резонансных преступлениях и происшествиях он никогда не составлял. Их обычно готовили следователи или прокуроры лично.

– Слухаю!²⁶ – звучит недовольный сонный голос незнакомого чиновника из областной прокуратуры. Он служит недолго, на два-три года больше, чем Коротков – большие начальники спят дома.

«Вот говнюк, даже не представился!», – думает Коротков.

– Представьтесь, пожалуйста! – Жестко, по-русски требует Коротков. Звучит незнакомая фамилия: какой-то прокурор какого-то отдела. Долго ничего не может понять. Потом растерянно, но, как и полагается, по-русски, спрашивает Короткова:

– Как вы думаете, мне сейчас докладывать прокурору области?

– Думаю, что лучше доложить! – Коротков положил трубку, оборвав разговор, и подумал: «Хорошо, когда начальство сонное, да еще и трусливое. Не нужно врать и объяснять, где находится прокурор района».

Постановление о возбуждении уголовного дела Коротков быстро и без проблем надиктовал секретарю-машинистке районного отделения гэбистов, заметив, что она заложила в машинку и листик для себя. Проворно, под его диктовку, она отпечатала постановление о принятии дела к своему производству и о создании следственной группы.

Подумалось: «Всегда бы так работать». Обычно только на техническую работу по отпечатке документов уходила масса времени, иное дело, когда работаешь с профессиональным секретарем.

Сергиенко внимательно ознакомился с документами, одобрительно кивнул и пригласил Короткова в пустой кабинет, видимо, для конфиденциальной беседы.

– Ну что, прокурор? Тебе принимать решение... Будем задерживать начальника газового хозяйства на трое суток? – Вопрос был сформулирован таким образом, что в нем отчетливо слышался ответ. Коротков на пару секунд задумался. Благодаря Сергиенко он, можно сказать,

---

²⁶ Слухаю (украин.) – Слушаю.

нашел себя в той непростой обстановке, которая сложилась в городе, но сейчас, когда нет ни следователя, ни шефа, основной процессуальной фигурой в уголовном деле становится он сам. Теперь ему принимать решения и ему же за них отвечать.

До сих пор, разговаривая с подполковником, Коротков чувствовал себя старшим сержантом запаса, коим он и был по военному билету, и даже слегка вытягивался и подбирался, как полагается при общении со старшим по званию. Теперь, желая сбросить с себя груз зависимости от старшего по возрасту и положению, стажер неожиданно для себя самого уселся на краешек стола и смотрел уже не на подполковника, а чуть в сторону.

– Мне не хотелось бы торопиться с задержанием, товарищ подполковник. Жертв нет. Преступление, несмотря на несомненный резонанс, не является тяжким. Кроме того, еще далеко не факт, что работники газового хозяйства виновны в произошедшем. Наверняка еще нужно будет назначать сложные технические экспертизы, которые будут выполняться месяцами (в Донецке на производственной практике Коротков уже сталкивался с техногенными катастрофами, технические экспертизы по которым длились месяцами). Начальник газового хозяйства уже немолодой, семейный человек. Куда он денется, находясь под подпиской о невыезде²⁷!?

Еще в Донецке следователь, с которым на досуге было выпито немало, говаривал: «Человека взять под стражу легко. Потом освободить его или взять грех на свою душу и держать невинного под стражей – замаешься!» – Это правило Коротков запомнил хорошо.

– Бросать в камеру члена райисполкома даже и на трое суток мне как-то совсем не хочется. – Коротков решительно поднял глаза на подполковника, оставаясь сидеть на столе.

– А-а-а!.. А я надеялся, что ты более решительный парень. – Сергиенко вышел, недовольно хлопнув дверью.

Около четырех часов утра (или ночи) Коротков подошел к дому, где приютили его жену. Внизу, у входа в отделение сбербанка стояли двое милиционеров с автоматами. Стажер поднял голову – в окнах квартиры однокурсника горел свет. Женщины пили чай и обсуждали свои бесконечные житейские истории. Несмотря на уговоры гостеприимной хозяйки, Коротковы вернулись домой. Одеялами завесили выбитое окно. Нашли и зажгли свечу. Все вещи, которые были в квартире, включая верхнюю одежду, бросили на кровать и, тесно прижавшись друг к другу, в полудреме провели остаток ночи. Рано утром взвыла сирена пожарного автомобиля. Коротков выскочил на балкон. Снизу жителям дома, которые прильнули к своим разбитым окнам, помахал пожарник:

– Это кто-то заснул в машине и нечаянно включил сирену.

После ложной тревоги Зоя снова задремала. Стажер курил на кухне у выбитого окна, глядя на уже проступавшие из темноты развалины детского сада. Хорошо, что несмотря на конец февраля, на улице оттепель, 10–12 градусов тепла. Задребезжал телефон... Коротков автоматически посмотрел на часы. 06:35. На линии – начальник следственного управления прокуратуры области. Коротков его знает, даже помнит, что отчество у него, как у Кутузова – Илларионович. Первый вопрос уже традиционный:

– Где прокурор района?

«Значит, его домашний телефон по-прежнему не отвечает, – думает Коротков. – Ночью стажер разговаривал у двери шефа с его женой. Эта дама к ночным отсутствиям мужа при-

---

²⁷ Подписка о невыезде – мера пресечения в уголовном процессе.

вычна. Особого беспокойства по этому поводу не проявляла, несмотря на отсутствие света в доме и кипиша²⁸ в городе». В целом, стажер уже начинает привыкать, что в этом крае прокуроры ховаются²⁹ за спины своих подчиненных при первых проблесках грозы...

Доложил, как есть. Илларионович такой же полковник по звездочкам, как и его шеф. Тот только вполголоса выругался и то... Почти без мата.

– Правильно, что никого не задерживал! Наломать дров всегда успеем!..

Илларионович, оказывается знал, что следователь в отпуске.

– Связаться с ним сможешь?

Коротков повторил то, что слышал от гэбистов:

– С приютом на горе, где отдыхает следователь, связаться можно только по радиации горноспасателей с центральной турбазы, но прямым текстом ничего объяснить нельзя – рядом граница.

На этот раз Илларионович ругался долго, Коротков даже отстранился от телефонной трубки, как-будто могло забрызгать.

– Ладно! – полковник немного успокоился. – С утра приступай к осмотру места происшествия. Плюнь на все свои судебные дела и обязанности! Все, что можно, сфотографируй с милицейским криминалистом. После обеда приедет следователь прокуратуры области по особо важным делам. Все бумаги передашь ему. Организуй ему жилье на турбазе или в лесничестве и покажи, что и где... Дерзай, стажер!

В половине девятого явился мастер из жилконторы. Начал менять разбитое оконное стекло. Коротковы, оставив мастеру ключ, направились в «молочарню»³⁰ Дома приготовить не получится, а в местном экзотическом кафе они позавтракали гамбовцами³¹ и согрелись чаем.

Шеф объявился после обеда. Почти одновременно со следователем прокуратуры области. Был донельзя опухший, но вопросов не задавал. Был в курсе всех событий. Коротков, до того, как он объявился, даже выяснил, где тот находился во время взрыва. В том же подъезде дома, где живет Коротков. Стоял на втором этаже у двери адвокатессы и пил из хрустальной рюмки «на стрэмэно»³². Но где он прятался всю ночь и последующие полдня, для Короткова так и осталось загадкой.

Возбужденное им уголовное дело спустя полгода прекратили. Крайних не оказалось... Виновными оказались члены приемной комиссии, которые десять лет назад приняли у строителей с нарушением соответствующих норм и правил бетонную подушку под емкостью с газом. Из-за допущенных нарушений и подвижки грунта (горная река в ста метрах) емкости просели с порывом труб. Газ по проходящей рядом тепломагистрали проник в подвальные помещения двух корпусов детского сада. В одном из подвалов был электрический холодильник для продуктов. А дальше – искра, взрывы, пожар. Господь в тот раз помиловал этот город. Еще днем в детском саду было до тысячи детей!..

---

²⁸ Кипиш (жаргонное) – переполох, чаще обыск.

²⁹ Ховаются (украин.) – прячутся.

³⁰ Молочарня (русин.) – карпатское диетическое кафе (от слова молоко).

³¹ Гамбовци (русин.) – местное блюдо на основе манной каши.

³² На стрэмэно (русин.) – стремную или на посошок.

Еще раньше Бог прибрал к себе двух членов злополучной приемной комиссии. Председатель комиссии уже давно сидел где-то в сибирском лагере за другой грех. То, что членов комиссии принудили подписать приемочный акт первые руководящие лица района, в протоколы допросов не попало. Впрочем, точно об этом Коротков не знал. Следствием занимались другие работники прокуратуры.

Лицо, утратившее общественную опасность

Однажды, просматривая судебные решения по гражданским делам, рассмотренным без участия прокурора³³, Коротков обнаружил решение с явным нарушением закона.

Иск был предъявлен областным предприятием лесного хозяйства к некоему Дзюбе о возмещении вреда, причиненного незаконной охотой. Ответчик³⁴ вместе с приятелем (оба служили егерями в одном из лесничеств) решили добыть медведя, которого обнаружили на своем участке. Иными словами, приятели решили заняться браконьерством. (Спустя много лет Коротков близко познакомится с одним егерем уже в другом регионе Украины, который говаривал: «На моем участке может быть только один браконьер – я сам!»). Судя по бумагам, медведя они убили, причинив материальный ущерб имуществу государства на сумму 800 руб. В возбуждении уголовного дела по факту браконьерства органом внутренних дел было отказано по мотиву, как было указано в постановлении, «в связи с утратой виновным лицом общественной опасности». Сами материалы проверки, проведенной милицией, судом изучались, но отражено это в протоколе судебного заседания было невнятно. Перед рассмотрением дела поступило письмо от истца, что от иска они отказываются. Суд, как ни странно, принял отказ от иска и своим определением дело прекратил, хотя это противоречило закону – иск ведь предъявлен государственным предприятием. Коротков чрезвычайно гордился тем, что он в этой карпатской глуши был представителем Москвы, по определению Петра Великого – «оком государевым». Шеф в настоящее время был на больничном. Коротков исполнял обязанности прокурора района. Пренебрежения интересами государства он пропустить не мог и в тот же день подготовил протест³⁵ на судебное решение.

Еще через месяц дело это вернулось в район. Областной суд протест прокурора удовлетворил, а дело направил на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Но уже с участием прокурора, поэтому в новом рассмотрении помощник прокурора Коротков поддерживал интересы государства на стороне истца с тем, чтобы ответчику никто не потакал за счет государства!

Уже в самом начале судебного заседания молодой прокурор вынужден был пожалеть о своей принципиальности. Перед судом предстал ответчик, возраст которого можно было определить разве что по голосу. У этого человека не было лица. Носа нет, глаза одного тоже нет. На месте губ какие-то две красные продольные линии. Нет и одной ушной раковины. Голова ответчика обвязана бинтами, хотя после той злополучной охоты прошло больше года. Одного взгляда на этого человека было достаточно, чтобы понять, почему он утратил «общественную опасность». Молодому юристу стало стыдно: прежде чем писать протест на определение суда о прекращении дела, нужно было поднять задницу, сходить в милицию и изучить материалы проверки по факту браконьерства. Заключение судебно-медицинского эксперта по телесным повреждениям Дзюбы было бы достаточно, чтобы не наблюдать сегодня это зрелище. Коротков уже заметил, что молодые женщины – народные заседатели, которые смотрят на ответчика, близки к обмороку...

---

³³ Гражданские дела..., рассмотренные без участия прокурора. – В указанный период прокуратура осуществляла надзор за судом, поэтому проверяла законность всех гражданских дел, включая и дела о расторжение брака.

³⁴ Ответчик – участник гражданского судопроизводства, к которому предъявлены иски, требования.

³⁵ Протест – процессуальный документ, который раньше приносил прокурор на незаконное (по его мнению) решение суда.

Ответчик назвал себя. Инвалид первой группы в двадцать шесть лет. В настоящее время не работает. Учится заочно во Львовском филиале академии лесного хозяйства. Судья дотошно опрашивал ответчика об обстоятельствах дела. Тот рассказывал подробно. Обстоятельно. На правильном украинском языке (что отнюдь не характерно для местных жителей), – учеба во Львове дала неплохой результат.

Оба егеря были с карабинами. Договорились разделитья, чтобы наверняка встретить медведя. Тот, который постарше, пошел по хребту, а наш фигурант – низом. Думали, что если обнаружат медведя, то подадут сигнал выстрелом. Дзюба увидел косолапого неожиданно, в малиннике. Стрелять было очень удобно. Расстояние – не больше ста метров. Старший напарник в это время находился далеко, в нескольких километрах. Выстрелил в голову. Видел, что попал. Мишка рывкнул и ушел в густой ельник. Дзюба пошел по кровавому следу.

«Разве так можно поступать?» – думает Коротков. Он уже знал, что такое карпатский ельник – в пяти метрах ничего не видно! Нужно было дождаться напарника!.. Видно, не договорились, как следует... Будучи городским жителем, прокурор в юности читал о сибирских охотниках, что-то рассказывал отец. Seriously раненный зверь, уходя от преследователей, делает петлю и ложится в «засаду» на свой же след.

Именно так и сделал раненный мишка. Он долго ждал своего преследователя, как потом определили охотоведы по луже крови. Напал внезапно. Из-за скалы. Дзюба и выстрелить не успел.

– Що було дали?³⁶ – Не унимался дотошный судья. Коротков удивлено смотрит на председательствующего в судебном заседании.

– Дали вин мэнэ иив...³⁷ – пожал плечами ответчик.

Напарник, обнаружив Дзюбу с проломленным черепом и изуродованным лицом, тащил его на себе километров шесть к дороге. Мишка остался лежать недалеко от места происшествия. В деле была справка, что шкура зверя уничтожена, поскольку пришла в негодность.

Вынужденный поддерживать исковые требования Коротков, проклиная свою принципиальность, просил суд принять во внимание состояние здоровья ответчика, его материальное положение, уменьшив сумму, подлежащую взысканию в частичное возмещение вреда, ограничившись размером его заработной платы на момент происшествия – 120 рублей.

Суд согласился с заключением прокурора по делу.

---

³⁶ Що було дали? (укр.) – Что было потом (дальше)?

³⁷ Дали вин мэнэ иив... (укр.) – Потом он меня ел...

В полонине

38

В производстве следователя прокуратуры Сюткина уже несколько лет было приостановленное уголовное дело по факту гибели трех подростков. Мальчишки были из неблагополучных семей. Часто уходили из дому. Но куда они пропали в последний раз, следствие установить не могло. Каждые полгода на совещаниях в прокуратуре области Сюткину грозили взысканием, но толку от этого было мало. Как-то при опросе пастухов с полонины Гроссу, который проводил Коротков совершенно по другому поводу, возник разговор о пожаре. Пастухи, поднявшись в полонину в начале лета, обнаружили, что сгорела добротная, из бревен колыба³⁹, в которой они жили все лето, выпасая скот. На пожарище нашли, как им показалось, три обгоревшие тушки кабанчиков, поэтому и подумали, что колыбу по неосторожности сожгли зимой или поздней осенью браконьеры. Коротков поделился этой информацией со следователем. Тот доложил прокурору. Последний принял решение осмотреть место происшествия, поскольку время пожара совпадало со временем исчезновения подростков.

Погожим октябрьским утром отправились в полонину четвером: Сюткин, Коротков, следователь милиции Николай Иванович и криминалист райотдела венгр Лоци. Николай Иванович – сорокалетний майор, жил у подножия горы в селе, от которого начинался путь в эту полонину, и знал ее, как и окрестности, с детских лет. Пошли налегке, так как следователь пояснил, что дорога вверх займет часа три, а назад – вдвое меньше. Коротков взял папку с бумагами, в карман куртки положил бутерброд с колбасой. Сюткин взял следственный портфель. Следователь ждал их дома в брезентовой робе, кирзачах и с объемным рюкзаком. Всех удивил криминалист, одетый в импортный костюм. О понятых договорился Николай Иванович: возьмут двух лесорубов, которые работают где-то вверху, по дороге на полонину. Подъем был непростым. Разношерстная группа людей двигалась по едва заметной среди камней тропке, протоптанной пастухами, охотниками и лесниками. Туристы здесь явно не ходили. Шли цепочкой друг за другом. Коротков лишь изредка мог оглянуться по сторонам на окружавшие их девственный лес и скалы. Места, конечно, необыкновенной красоты, но приходится смотреть под ноги, периодически цепляясь руками за кусты и выступы камней да поглядывая на маячащий перед глазами рюкзак Николая Ивановича. Когда капли пота стали заливать глаза, Коротков мысленно себя похвалил, что надел кроссовки. Правда, джинсы были явно узкими для такой прогулки. На каком-то привале к ним присоединились двое лесорубов, которых привел милицейский следователь. Где-то невдалеке они валили спелый лес. Подобные восхождения для молодого прокурора не новость. На Кавказе, в армии, в десантно-штурмовой бригаде приходилось проходить подъемы и посложней. Только тогда он еще тащил вещмешок с химзащитным комплектом и НЗ⁴⁰, автомат, противогаз, штык-нож, подсумок с тремя рожками с патронами и малую саперную лопатку на заднице. Кирзовые сапоги – это само собой... Сейчас же, будучи налегке, он едва успевал за следователем милиции, который разменял сороковник. От Короткова не отставал крепкий и жилистый Сюткин, выросший в таком же горном соседнем районе. Его отец – родом из Тулы – после войны остался в Карпатах служить участковым. Хуже всех было Лоци. Группа часто останавливалась, поджидая этого городского хлыща в туфлях и костюме. Криминалистический портфель у него уже давно забрал один из крепышей-лесо-

³⁸ Полонина – альпийский луг на пологих вершинах карпатских гор выше черты леса.

³⁹ Колыба (русин.) – бревенчатая изба карпатских пастухов, зачастую круглой формы, с очагом внутри и отверстием для дыма в крыше.

⁴⁰ НЗ – неприкосновенный запас продуктов. Обычно, пара банок тушенки и галеты.

рубов, вероятно, из сострадания к соплеменнику (они с Лоци иногда переговаривались по-мадьярски), но это мало помогало. Наконец крутой подъем закончился. Втроем они минут пятнадцать наблюдают сверху за бедным Лоци и подталкивающими его лесорубами. Отсюда, со скалистого выступа, открываются сказочные пейзажи притихших перед скорой зимой гор. Деревья внизу еще не сбросили свои золотые наряды, а вверх теперь пошли замершие (ветра нет) и освещенные по верхушкам еще теплым солнцем сорокаметровые красавицы смэрэки⁴¹. В ельнике же, несмотря на солнечный день, как-будто сумерки. Далеко внизу видно деревню, прорезанную тонкой голубой линией реки. Воздух насыщен прогретой хвоей. Лепота! Приходится делать привал. Лоци едва живой. Его костюм испачкан глиной.

«Цэ тоби не дивок клэиты за рюмкою кавы!»⁴² – не удержался Сюткин, чтоб не подначить любвеобильного криминалиста. Тот молча сопит. Огрызнуться у него нет сил.

Коротков, покуривая, любуется горным пейзажем. Николай Иванович, сбросив рюкзак, отошел с лесорубами и что-то сбивает с деревьев длинным шестом.

Отдохнув, двинулись по едва пробитой через ельник дороге. Здесь темно и сыро. Николай Иванович показал Короткову место трапезы лисички. У куста аккуратно, как вокруг тарелочки, разложены перышки куропатки. И ни одной косточки. Славно позавтракала рыжая! Немного дальше, свой в этом темном лесу, следователь милиции обнаружил цепочку следов медведя. Перспектива встретить косолапого в этой темени как-то никого не радует. Дальше все идут кучно, стараясь быть ближе к следователю, у которого на поясе охотничий нож и непустая кобура. Чем выше, тем ниже деревья. «Наше путешествие, – прикидывает Коротков, – просто наглядный урок географии: проходим все климатические зоны. Вот только до снежной тундры не дойдем – Карпаты горы невысокие». Лес становится светлей, деревья – меньше, пока не переходят в кустарник. А вот и разлив трав – полоньна.

«Если бы не продолжающийся подъем, то можно было бы представить себя дома, в Приазовье, – думает Коротков, – вот только травы пока еще не осенние, зеленые. И небо другое. Дома небо огромное, высокое, просторное, а здесь его почти нет. Мы в небо почти заходим, потому как облака уже рядом, а некоторые вон плывут внизу, закрывая вид на село и реку».

Почти у пологой вершины, в ложбине, расположен табор пастухов, уже оставленный ими до следующего лета. Между загородами для скота без какого-либо порядка расположены колыбы и более ветхие хозяйственные шопы⁴³. На дверях строений здоровенные замки. Пусто. Между постройками посвистывает усиливающийся ветер. Коротков, зябко поеживаясь, застегнул курточку. Николай Иванович внимательно всматривается в небо, словно желая там что-то найти. Сюткин развернул план-схему, составленную со слов пастухов, но следователь милиции уже уверенно идет в верхний край табора, где видны бревенчатые остатки колыбы. Часть бревен и досок обгорели. Лоци фотографирует местность и развалины. Сюткин присел, и на портфеле составляет протокол осмотра места происшествия. Коротков со следователем милиции рассматривают мелкие предметы на месте пожарища, а лесорубы, назвав себя для протокола, лежат в траве и безучастно смотрят в небо.

Нашли обгорелые тряпки. Возможно, это фрагменты одежды. Один подростковый ботинок, обрывки ремней, мелкие косточки (скорее всего, животных). Находки сложили в отдельный пакет. Судебно-медицинскому эксперту уже за пятьдесят, вечно болеет, его взять с собой в полоньну было невозможно. Будет осматривать кости уже внизу. Найти какие-либо части

---

⁴¹ Смэрэка (укр.) – карпатская ель.

⁴² Цэ тоби нэ дивок клэиты за рюмкою кавы! (укр.) – Это тебе не девок клеить за рюмкой кофе.

⁴³ Шопы (русин.) – сарай для скота.

тел животных или людей никто особо и не рассчитывал. Здесь были до них и люди, и собаки, и зверье. Вот и весь осмотр.

«Давайте торопиться, хлопцы. Похоже, нам сильно не повезло с погодой», – Николай Иванович показывает на стремительно выплывающую из-за соседней вершины черную тучу. Все торопливо стали спускаться к центру лагеря пастухов. Почти сразу пошел дождь. Набрав скорость на спуске, следователь милиции выбил плечом ближайшую хилую дверь в шопу. «И то добре, что не успели спуститься к лесу», – говорит он, устраиваясь на чурбаке. «И то, что не успели намокнуть», – про себя говорит Коротков. Холодно. Ветер усиливается. Но внутри сухо, и есть дрова. Только сильно разит овечьим навозом. Пока все устраивались на чурбаках, Николай Иванович вместе с лесорубами у двери наклали ватру⁴⁴. В щели прислоненной, сорванной с петель двери ветер вытягивал дым. Довольно быстро в низком сарае стала повышаться температура. Меж тем снаружи уже по косой летели крупные снежные хлопья.

«Влипли мы, однако...» – изрек умную мысль Сюткин. В ответ грязно стал ругаться, стряхивая с одежды сухой навоз, Лоци. Короткову захотелось есть, но доставать из кармана куртки бутерброд было неудобно. Николай Иванович, запахнув брезентовую куртку, вышел наружу и через время вернулся с алюминиевым тазом, наполненным снегом. Таз явно использовался пастухами для кормления скота. Лесорубы пристроили таз над костром, растопили снег и чисто вымыли. Затем Николай Иванович достал из рюкзака сало, мелко его порезал в таз, растопив на огне. Следом в таз пошли древесные грибы, собранные по пути и тоже мелко порезанные. В шопе потянуло приятным запахом, запах навоза куда-то улетучился. Увидев удивленные глаза городского жителя, Николай Иванович пояснил прокурору: «Это глыбы – древесные грибы, сбиваемые осенью. Пестряки – то же самое, только сбивают их весной. Сейчас попробуете – вкуснее, чем мясо».

Но воистину всеобщее удивление и восторг вызвали у участников похода последние действия следователя: он вытащил из своего рюкзака две буханки хлеба и две бутылки водки, приговаривая: «Нэ я хлиб нэсу – мэнэ хлиб нэсэ!*

Кружка, правда, была только одна, но разве это проблема! На бурю за дощатыми стенами шопы уже никто не обращал внимания. Даже Лоци перестал чертыхаться по-русски и по-мадьярски по поводу угробленного костюма из братской социалистической Чехословакии.

Буря закончилась часа через полтора. Посветлело. И, хотя до леса пришлось идти чуть не по колено в снегу, все обошлось благополучно. Вояж их в горы оказался безрезультатным, следов присутствия в полонине пропавших подростков они не нашли. Впрочем, как говорил знакомый следователь Короткова из Донецка: «Отсутствие результата – тоже результат!»

Спустя много лет в большом дымном и шумном городе у синего моря, подняв телефонную трубку, Коротков услышал голос Николая Ивановича: «Зиновьевич, помогай! Айбо мы туй, яко в лиси»⁴⁵. Оказывается, следователь милиции с сержантом прилетел ночью в город с санкцией на арест служившего в армии парня. Из аэропорта на такси доехали до гостиницы, а утром в каменных джунглях промышленного города почувствовали себя беспомощными. Все было так просто. Коротков созвонился с военной комендатурой. Уточнил, где находится

---

⁴⁴ Наклали ватру (русин.) – Разожгли костер.

⁴⁵ Айбо мы туй, яко в лиси! (русин.) – Однако, мы здесь, как в лесу!

военная часть. Забрал горцев с гостиницы, отвез их в воинскую часть. А затем уже вместе с арестованным доставил в аэропорт и помог взять билет до Львова.

Прощаясь в аэропорту, Коротков признался седому уже подполковнику милиции: «Я на всю жизнь запомнил: «Не я хлеб несу – меня хлеб несет!»».

«Мара»

Телефонный звонок, как всегда, прозвучал резко и неожиданно. Время – 21:36. Сегодня Коротков дежурный. Они со следователем Сюткиным дежурят через сутки, выезжая на происшествия. Сутки начинаются в конце рабочего дня. Следователь вне очереди выезжает только в тех случаях, когда очевидно, что преступление прокурорской подследственности имеет место быть. Если преступление тяжкое – изнасилование или убийство, то включаются все, т. е. прокурор, следователь и помощник.

Дежурный сообщил, что в одной из деревень Апшанской долины скорпостижно скончалась молодая женщина. Нужно выезжать. Торопливо собравшись и прихватив папку с бланками протоколов и следственный портфель, Коротков уже через пять минут перепрыгивал через лужи подтаявшего снега, возвышавшегося полутораметровыми кучами на обочинах тротуаров и дорог, направляясь к райотделу. Узенькие улочки зажатого черными громадами гор и утонувшего в снеге и лужах воды городка в это время практически пусты. Лишь у кафе стоит группка подвыпивших гуцулов. Но несмотря на слабое уличное освещение, кто-то из пьяниц узнал Короткова и посторонился, чтобы помощник прокурора прошел по сухому.

– Добрый вечер! – один из гуляк даже приподнял шляпу.

– Добрый, – ответил Коротков, уже привыкнув, что здесь его многие узнают и даже здороваются. Выезд на место происшествия оперативных работников здесь отработан давно. Район на 75 км вытянут от румынской границы на юго-западе до перевала на северо-востоке. Собственно, его конфигурация на карте представляет собой горную часть бассейна крупной карпатской реки, вдоль русла которой идет республиканская автомобильная дорога и железная дорога на Львов. Говорят, когда-то здесь ходили поезда «Вена – Санкт-Петербург», но сейчас в это уже трудно поверить. Городок в горах является железнодорожным тупиком.

Автотрасса проходит под окнами райотдела милиции, поэтому помощнику дежурного (непреренно с автоматом) или подвернувшемуся работнику ГАИ⁴⁶ достаточно остановить транзитную машину, и через 30–50 минут следователя, опера или помощника прокурора встретит в нужном месте участковый милиционер с каким-нибудь местным транспортом. Иногда это бывает горбатый «Запорожец» сельского врача или выдавший виды УАЗ лесника.

На сей раз свет фар тяжелого грузовика, в котором ехал молодой прокурор, осветил участкового уполномоченного Варгу Николая. Тот, широко расставив ноги, как полицейский в американском боевике, во весь свой двухметровый рост стоял рядом со сверкающим «жигуленком». К солидной внешности Николая совершенно не подходит его глубокий поклон при рукопожатии. Коротков участкового знает уже давненько, почти неприкрытый подхалимаж этого гиганта с римским профилем всегда настораживает. Николай работает в родном жилищном селе, жителей которого трудно идентифицировать по национальному признаку. То ли они русины, то ли румыны. В Апшанской долине, в нижней ее части, находятся два крупных румынских села, такое же румынское село поменьше – в верхней части долины, а в средней части долины живут полукровки, как Николай. Местные жители именуют их по названию долины – апшанами, чтобы не путать с другими славянами. Как и все апшане (их много и среди районных руководителей), Николай говорит на русинском языке, на румынском, на украин-

---

⁴⁶ ГАИ – государственная автоинспекция.

ском и на русском. Поскольку Коротков знает только два последних, то может с уверенностью сказать: Николай по-украински и по-русски говорит плохо, как малограмотный крестьянин. При этом заочно учится во Львовском университете на юрфаке и носит капитанские погоны. Участковый умом не отличается, зато его отличает как образцового милиционера коротковский шеф.

Пока ехали к центральной усадьбе колхоза, Николай доложил: после обеда к нему пришел местный житель с сообщением, что у него дома без признаков жизни находится знакомая женщина из соседнего села. Мужик был напуган, изрядно пьян, хотя вообще-то малопьющий. Личность он темная, живет один, в колхозе не работает, живет зажиточно. Часто ездит на заработки в Прибалтику, на Север или в Сибирь. Участковый вместе с местным врачом уже были в доме этого мужика. Врач констатировал смерть, но дожидаться прокурора для осмотра отказался, т. к. живет в соседнем районе, и у него больная жена. Умершей тридцать шесть лет. Лежит в кровати абсолютно голая, визуальнo следов побоев нет.

«Доложил участковый нормально...», – думает Коротков, – плохо, что нет врача, но куда деваться...»

Когда-то в институте на занятиях по судебной медицине им категорически запрещали осматривать трупы без участия судмедэксперта или врача. На практике почти каждый второй труп осматривали сами. Однажды он, рассвирепев, чуть ли не пинками загнал ночью в морг молодого сонного эскулапа – дежурного врача приемного отделения районной больницы. Тот не хотел осматривать привезенного с гор покойника. «Может, я тебе живого привез!» – орал он тогда.

«Приехали! – прервал размышления прокурора потомок древних римлян, останавливая машину у проходной гаража, – здесь, в гараже сельскохозяйственного предприятия можно будет взять машину, чтоб вывезти тело. Да и... председатель колхоза хотел вас увидеть, – слегка замялся участковый, – он сейчас еще здесь.

Отчего замялся участковый, стало понятно, когда зашли в кабинет завгаража. Председатель колхоза восседал за столом, украшенным десятилитровым бутылем (как потом оказалось, венгерского вина). Время было за полночь. Председатель хозяйства накануне ездил в долину проведать родных в венгерское село, известное своим винодельческим совхозом. Привез несколько десятилитровых бутылей вина, помещенных в плетеные корзинки. Половину бутыля участковый, председатель и завгар уже приговорили. Теперь при комнатном освещении помпрокурора рассмотрел, что цвет довольной рожи участкового и вина в бутылке почти совпадают. Событьиоников он уже знал давно. Специфический аромат вина и овечьего сыра местного производства, порезанного тонкими ломтиками, смешался в комнате, и устоять было невозможно...

После третьего бокала Коротков, только чтобы поддержать неспешный разговор, спросил участкового:

– Где находится хозяин дома, в котором умерла женщина?

– Да он тут, – Мыкола допил свои полфужера. – Чтоб он никуда не сбежал, я его закрыл здесь в гараже, в женском туалете. Женщин сейчас здесь нет!

– Как!.. Зачем?.. – растерялся Коротков. Он сразу понял, что мужик в этом туалете уже несколько часов. – Пошли! Показывай его!

Благо, что туалет находился в отапливаемом помещении. Мужик лет сорока безропотно сидел на корточках верхом на крышке унитаза. Туалет был настолько мал, что даже стоять между дверью и унитазом было сложно.

– Выходите! – Коротков с недоумением смотрел то на мужика, то на участкового. Первый – небритый и уже протрезвевший, имел довольно-таки жалкий вид. Второй, будучи уже малость поддатый, с красной довольной рожей и в расстегнутом милицейском кителе, невозмутимо взирал на мужика с высоты своего громадного роста. Впрочем, мужик не возмутился и не просил прокурора восстановить его права, нарушенные незаконным заточением. Только постанывал, пытаясь выпрямиться во весь рост и монотонно приговаривал: «Йой, мара на мою голову!»

Коротков уже давно не переспрашивал значение отдельных непонятных слов по-русински, услышанных от местных жителей. Обычно догадывался. «Мара», нужно полагать – это от украинского «прымара» или по-русски «морок» – привидение в виде бабы, свалившейся ему на голову, которая сейчас лежала у него в доме. Короче, мужик считал, что влип в историю. А этот двухметровый потомок римских легионеров и вообще, кажется, считает мужика преступником. «Господи! – думает Коротков. – Какие здесь терпеливые и безответные люди и сколько болванов среди представителей власти! Посмел бы этот Мыкола запереть в туалете в общем-то ни в чем не виновного поддатого работягу у Короткова на родине – вот бы узнал о себе много неожиданного, при чем в самых крепких выражениях!»

«Поехали на место происшествия!» – помощник прокурора решительно направился к выходу.

Дом мужика оказался фактически на окраине села, но ехали чуть не час. Собственно, село светилось редкими фонарями внизу, а возле этой одинокой обители, примостившейся на склоне горы, только глухо шумели на ветру смэрэки. Мимо дома вглубь леса шла колея по смерзшемуся снегу. Такое впечатление, что это дорога к небу, усеянному звездами.

Дом, если считать полуподвальный этаж, трехэтажный, но электричества нет.

Председатель колхоза с завгаром и водителем грузовой машины остались во дворе, спрятавшись от ветра возле хозяйственной пристройки. Им явно не хотелось идти внутрь дома. Хозяин где-то нащупал керосиновую лампу и повел за собой прокурора и участкового. Жилым был только полуподвальный этаж. Здесь расположены кухня, прихожая, столярная мастерская и две спальни. Два верхних этажа только снаружи кажутся жилыми, фактически – сараи, заваленные стройматериалами и разным хламом. Обычное дело для этих мест. Главное – с улицы казаться богатым газдой⁴⁷, внутрь чужие не ходят, разве что на праздники, да вот еще милиция, если случится.

В прихожей – батарея пустых бутылок из-под водки. На столе две рюмки. Гора окурков в пепельнице. Половина окурков с губной помадой. Остатки пищи. Затхлый тяжелый воздух... И это дело обычное. Мебель на своих местах. Следов борьбы, драки нет...

«Йой, мара на мою голову!» – Запричитал мужик, зажигая еще одну керосиновую лампу в маленькой спальне, где поместились только кровать и платяной шкаф.

---

⁴⁷ Газда (русин.) – зажиточный хозяин.

«Н-да...» – почесал затылок Коротков, отбросив одеяло с тела женщины. Такой смерти ему как-то раньше видеть не доводилось.

Участковый поспешно выскочил из спальни вслед за мужиком. Засмутился бедняга... При жизни женщина была красавицей. На лице, как-то совсем не подходяще – блаженная улыбка и умиротворенность. Легкая ночная рубашка скомкана на шее. В меру полные и красивые ноги бесстыдно разбросаны и слегка согнуты в коленях. Видимых телесных повреждений нет. «Прямо Мадонна, – думает Коротков, – только ее грешный вариант». Сделав пару фотоснимков (вспышка и аккумулятор на удивление были в рабочем состоянии), прокурор стал составлять протокол осмотра. Еще раньше, когда доставал фотоаппарат, он попросил участкового отобрать объяснение у хозяина дома. Сейчас мужик что-то бухтел Мыколе, каждую минуту поминая свою «мару».

Коротков прикрыл одеялом тело и продолжил писать по памяти – смотреть при этом на женскую плоть было как-то стыдно, хотя в комнате кроме него никого и не было. В это время из прихожей раздался звук оплеухи и стенания мужика:

– Йой, Мыколайчику! Биг мэ боже! Не займав я нэи...⁴⁸

Милиционер настаивал:

– Кажы, пэс! Килько разив дрымбав бабу?!⁴⁹

Коротков отложил бумаги и вышел в прихожую.

– Капитан, выйди-ка со мной на улицу. Перекурим.

– Ты чего от него добиваешься? – Коротков снизу вверх смотрит на милиционера.

– Так он же, гад, отказывается, что трахал эту бабу.

Варга с недоумением смотрит на прокурора, ведь он добросовестно «колет» подозреваемого на признательные показания!

– Зачем это тебе? Ты же в университете учишься!.. Ты что, знаешь такой состав преступления, как траханье, повлекшее смерть потерпевшей? – Коротков по-прежнему пристально смотрит на милиционера. На красивом лице потомка римлян появились признаки умственной деятельности:

– А что? Разве нет?..

– Нет, батенька, нет. Поэтому не требуй от него никаких признаний... Пусть просто расскажет, кем она ему приходится. Когда пришла. Когда ей стало плохо и так далее. Все! Коротков стал собираться. Скоро уже и светать будет.

Дней через десять, рано утром, мужичок из Апшанской долины появился у Короткова в кабинете. Собственно, это уже был совсем другой мужчина: стоял уверенно, прямо, лицо чисто выбрито, абсолютно нормально цвета. На нем добротный мужской полушубок и мохнатая огромная шапка из чернобурки (такие носят обычно северяне). Помпрокурора уже знал, что этот мужик за свой счет похоронил женщину, оказавшуюся у него в доме, а муж покойной еще не приехал с каких-то заработков в Прибалтике.

---

⁴⁸ Биг мэ боже! Нэ займав я нэи... (русин.) – Ей-богу! Не трогал я ее...

⁴⁹ Кажы, пэс! Килько разив дрымбав бабу? (русин.) – Говори, пес! Сколько раз трахал бабу?

– Проходите, присаживайтесь... – Коротков с легким удивлением продолжал рассматривать мужика. А он, оказывается, и не старый вовсе.

– Сэ вам, панэ прокурор. Аби-сь вы менэ нэ тигалы⁵⁰, – посетитель, не садясь, уверенно выкладывает на стол перед Коротковым четыре 50-рублевых купюры с ленинским профилем – это больше, чем месячная зарплата помпрокурора.

Легкое оцепенение...

– Ну-ка убрал! Немедленно! – Коротков рявкнул таким тоном, что мужик тут же спрятал деньги, посерел, и позвоночник его опять согнуло.

Из смежного кабинета выглянул следователь Сюткин. Коротков успокоительно помахал ему рукой, мол, все нормально.

– Послухайтэ мэнэ, вуйку!⁵¹ – помпрокурора уже слегка успокоился, но присесть мужику уже не предлагал. – Вы ни в чем не виноваты. Причина смерти вашей знакомой – цирроз печени и смертельная доза алкоголя. Умереть она могла и от одного, и от другого. Я полагаю, вы насильно ей палинку⁵² в рот не заливали?

– Ни, биг мэ боже!..⁵³ – мужик по-прежнему стоит, слегка согнувшись и пригнув колени, как будто штаны его тянут вниз.

Короткову опять жалко смотреть на мужика. Он знает, что может выглядеть сурово.

– Никто вас таскать, как вы говорите, не будет. В возбуждении уголовного дела по факту смерти вашей знакомой отказано за отсутствием события преступления. Не было преступления... Понятно? А вот деньги совать будете, то у вас могут быть серьезные неприятности. За дачу взятки должностному лицу не «таскают», а сажают по-настоящему.

– Бувайтэ здорови, вуйку!⁵⁴ – провожает посетителя Коротков уже почти с улыбкой, забыв, что шеф полушутя-полусерьезно сказал, чтобы он показал ему этого йо... когда тот придет. Он-де его посадит на пятнадцать суток и будет выдавать на ночь отдельным требовательным дамам.

– Декую файно. На всэ добрэ⁵⁵! – это мужичок уже из-за дверей.

---

⁵⁰ Сэ вам, панэ прокурор! Аби-сь ви менэ нэ тигалы. (русин.) – Это вам, господин прокурор! Чтобы вы меня не таскали.

⁵¹ Послухайтэ мэнэ, вуйку! (укр.) – Послушайте меня, дядя (мужчина старший по возрасту)!

⁵² Палинка (от венгер.) – водка.

⁵³ Ни, биг мэ боже! (русин.) – Нет, ей-богу!

⁵⁴ Бувайтэ здорови, вуйку! (укр.) – Будьте здоровыми, до свиданья, дядя!

⁵⁵ Декую файно. На всэ добрэ. (русин.) – Спасибо большое. Всего доброго.

Изнасилование

Коротков с Сюткиным, немного растерянные, стояли в смотровом кабинете гинекологического отделения районной больницы. Благо, хоть кресло было развернуто таким образом, что головой девушка была к ним, а приподнятыми и расставленными ногами – к доктору. Этот старый циник решил, что если его пациентке и есть, что сказать прокурорским работникам, то это она может сделать и в таком положении. Конечно, лучше бы было подождать, пока потерпевшей окажут медицинскую помощь. Но время дорого... Кроме того, Коротков только спросил по телефону, можно ли поговорить с девушкой, а эскулап ответил: «Заходите в отделение, вам откроют».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.